

Санкт-Петербургский государственный университет

ТЮНИНА Ксения Витальевна

Выпускная квалификационная работа

Феминистские идеи в творчестве И.Ефремова

(на материале романов «Туманность Андромеды» и «Час Быка»)

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5614. «Филологические основы редактирования и критики»

Научный руководитель:
профессор, Кафедра истории русской литературы,
доктор филологических наук Бугаева Любовь Дмитриевна

Рецензент:
ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт
русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Разувалова Анна Ивановна

Санкт-Петербург
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОВЕТСКАЯ ВЕРСИЯ ФЕМИНИЗМА	10
1.1. Представления о роли женщины в «новом советском обществе».....	10
1.2. Партийно-государственная политика решения «женского вопроса» после революции и в 1930-е годы.....	21
1.3. «Новая женщина» в советской массовой культуре 1917-1920-х годов	30
ГЛАВА 2. ФЕМИНИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И.А. ЕФРЕМОВА	40
2.1. Феминистские идеи в романах И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка»	40
2.1.1. Женщины и труд	42
2.1.2. Семья и брак	45
2.1.3. Любовь и сексуальность	49
2.1.4. Материнство и воспитание детей	56
2.1.5. Образ женщины будущего	59
2.1.6. Женщины и искусство	63
2.1.7. Патриархальные отношения	68
2.2. Концепция И.А. Ефремова и советская версия феминизма: сходства и отличия	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	79
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	82

ВВЕДЕНИЕ

«В романах писателя, обладающего мужским темпераментом бойца, прославляющего героические профессии и подвиги, царит тем не менее женщина», – таково наблюдение А. Бритикова над особенностями творчества автора советской научной фантастики И.А. Ефремова [Бритиков, 2005]. Исследователь обращает внимание на «примечательный феминизм» в произведениях писателя, выражающийся в расстановке героев, высокой идейно-эстетической нагрузке женских образов и философской трактовке красоты [Там же].

Суждения подобного рода о творчестве Ефремова не единичны. Так, Л. Геллер отмечал последовательную и страстную проповедь свободной любви, которой «не было, пожалуй, со времен Александры Коллонтай», и эротизм в произведениях фантаста [Геллер, 1985, с. 341]. Кроме того, ученый высказал очень важную мысль о том, что отношение к женщине у Ефремова созвучно утопическим мечтаниям Фурье, Белинского и Чернышевского [Там же. С. 341], писавших о женской эмансипации и равенстве полов.

На то, что некоторые феминистские круги считают И. Ефремова «своим писателем», обратила внимание М.С. Галина: «... разрабатывая модель "совершенного человека", И.Ефремов, пожалуй, первый в отечественной (а может, и в мировой) фантастике превратил женщину из ценного приза, награды, достигающей герою, или просто из декоративного сюжетного украшения в активное, а то и в главное действующее лицо событий – от исторического (вернее, псевдоисторического) романа "Таис Афинская" или "Лезвия бритвы", где действуют наши современники, до далекого будущего, где женщина не просто осваивает границы неведомого бок о бок с мужчиной, но и принимает на себя основное бремя первого контакта с представителями олигархического общества ("Час Быка")» [Галина, 1997].

Кроме того, гендерную проблематику в творчестве Ефремова анализировал В.В. Комиссаров [Комиссаров, 2017, с. 78]. Исследователь

обратился к рассказу писателя «Юрта Ворона» (1960), в котором есть диалог героев о названиях женских профессий. Один из героев замечает: «... в царское время у женщин не было профессий, и все специальности и профессии назывались в мужском роде, для мужчин. Женщинам оставались уменьшительные, я считаю, полупрезрительные названия: курсистка, машинистка, медичка. И до сих пор мы старыми пережитками дышим, говорим: врач, геолог, инженер, агроном. Женщин-специалистов почти столько же, сколько мужчин, и получается языковая бессмыслица: агроном пошла в поле, врач сделала операцию, или приходится добавлять: женщина-врач, женщина-геолог, будто специалист второго сорта, что ли...» [Ефремов, 1959]. А затем продолжает мысль: «Не я, а молодежь нас учит. У них верное чутье: называют геологиня, агрономиня, докториня, шофериня» [Там же]. Так Ефремов откликнулся на тот факт, что тенденция к образованию феминитивов в 1920-е годы, являющаяся следствием активного вовлечения женщин в производство, начала вытесняться в 1930-е годы тенденцией к приданию обобщенного значения словам мужского рода [Беркутова, 2018, с. 13]. В 1960-е годы обозначения профессий женского рода, по наблюдениям В.В. Беркутовой, практически исчезли из употребления [Там же, с. 14].

Однако наличие подобных рассуждений феминистического характера в творчестве Ефремова, по мысли В.В. Комиссарова, сочетается с примерами патриархальных отношений, в связи с чем, делает вывод ученый, произведения фантаста «полностью лежат в рамках советского гендерного мифа» [Комиссаров, 2017, с. 80], то есть советской концепции равноправия полов. В.В. Комиссаров пишет следующее: «Здесь и явное противопоставление патриархальных и равноправных отношений полов, как на историческом материале, так и в современных сюжетах; и эклектичное сочетание декларативного гендерного равноправия с традиционными взаимоотношениями. С другой стороны, фантаст как прозорливый автор, неизбежно подмечал противоречия советского гендерного мифа и писал о них в тех рамках, которые позволялись официальной цензурой» [Там же, с. 81].

Данное наблюдение позволяет говорить о связи феминистских идей Ефремова с «советским феминизмом» [Кутырова, 2005; Купарашвили, Новоселов, 2018] (или советским «государственным феминизмом» [Айвазова, 2005; Шахназарян, 2011; Бобровская, 2020]), теоретически разработанным прежде всего в работах А. Коллонтай, осуществленным в послереволюционной политике решения «женского вопроса» периода 1917–1920-х годов и отразившемся в советской массовой культуре. Важно здесь наблюдение С.А. Сергеева о том, что Ефремов принадлежал к поколению 1920-х годов, и взгляды писателя, как и взгляды его ровесников, «формировались под влиянием амбивалентной ситуации раннего советского периода» [Сергеев, 2017]. Этому периоду писатель «обязан гибридности своего мировоззрения, в котором уживались различные, порой кажущиеся малосовместимыми элементы» [Там же]. Все это подтверждает мысль В.В. Комиссарова о сочетании идей равноправного отношения полов и примеров патриархальности не только в творчестве Ефремова, но и в советском гендерном мифе и, бесспорно, советской реальности.

На основании вышеизложенного представляется продуктивным выявить связь феминистических идей Ефремова с советской версией феминизма – не столько генетическую, сколько типологическую. Безусловно «феминизм» Ефремова – условный. Более того, само это понятие достаточно условное. По словам А.А. Темкиной, «под феминизмом может пониматься и борьба женщин, и идеология равенства прав, и социальные изменения, и избавления мужчин и женщин от стереотипных ролей, и улучшение способа жизни, и активные действия» [Темкина, 1995, с. 4]. В нашем исследовании мы будем обращать внимание и анализировать все те представленные в творчестве Ефремова идеи и примеры, которые касаются положения и роли женщины в обществе, равноправия полов, женского труда, материнства, а также авторского видения идеальной женщины.

Феминизм Ефремова не соотносится полностью с советской версией, ведь писатель в своем творчестве во много расходится с аксиомами

официального мировоззрения и «выдвигает свою собственную философию» [Геллер, 1985, с. 355]. Исключением не является и «женский вопрос». Наша задача состоит в том, чтобы определить сходства и различия концепции Ефремова с общепринятой в ранние советские годы идеологически-государственной позицией решения «женского вопроса».

Актуальность исследования обусловлена следующими причинами:

1) вниманием отечественной и зарубежной гуманитарной науки к особенностям советской политики и культуры в плане решения «женского вопроса», а также к реальному положению женщин в СССР [Buckley, 1989; Engel, 1999; Лебина, 1999; Алферова, 2011 и др.];

2) усилением научного интереса к феномену советской научной фантастики XX века, представителем которой был Ефремов [Фрумкин, 2004; Цветков, 2009; Комиссаров, 2017];

3) интересом современного литературоведения к творчеству Ефремова, которое в основном анализируется в следующих плоскостях: писателя изучают как одного из авторов научной фантастики [Комиссаров, 2017]; анализируют особенности его фантастического мира [Агапитова, 2017; Осьмухина, Майорова, 2021]; рассматривают образ будущего – берется как утопический аспект («Туманность Андромеды»), так и антиутопический («Час Быка») [Ковалев, 2021; Фокин, 2017; Черняховская, 2016; 2018]; кроме того, выявляются отраженные в произведениях философские идеи [Беспечанский, 2014; Глазырина, Емельянов, 2017];

4) переходом ефремоведения на новую стадию изучения, когда становится возможным изучение тех вопросов, которые не могли обсуждаться советскими литературоведами в виду идеологических причин, а феминистические идеи в творчестве Ефремова и их специфика по сравнению с государственной позицией – это как раз одна из таких «замалчивающихся» тем.

Научная новизна определяется тем, что до сих пор отдельного специального исследования феминистских идей в творчестве Ефремова не

предпринималось. Кроме того, в исследовании присутствует обращение к контексту эпохи, делается попытка соотнесения индивидуально-авторского взгляда с представлениями о женщине в ранний советский период, когда мировоззрение писателя только формировалось.

Объектом исследования является феминистическая концепция; **предмет** исследования – художественная репрезентация феминистских идеи в творчестве Ефремова.

Материалом исследования послужили романы Ефремова «Туманность Андромеды» (1957) и «Час Быка» (1970). Это романы о далеком коммунистическом будущем, где писатель излагает свое представление об устройстве идеального общества. В статье «На пути к роману “Туманность Андромеды”» Ефремов отмечает, что женщина будущего представлялась ему «абсолютно полноправным членом общества, избавленным от любого ущемления, принижения ее прав. Она будет совершенно вольна и в сфере своих чувств» [Ефремов, 1961, с. 146]. Выбор данных романов обусловлен тем, что они являются наиболее иллюстративными для исследования феминистских идей Ефремова в контексте непосредственно советского феминизма.

Цель исследования – раскрыть феминистские идеи в творчестве И.А. Ефремова и определить их типологическую связь с советским феминизмом.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) проанализировать теоретические представления о месте женщины в советском обществе, представленные в высказываниях В.И. Ленина, Н.К. Крупской и А.М. Коллонтай;
- 2) определить особенности послереволюционной партийно-государственной политики решения «женского вопроса»;
- 3) выявить специфику образа «новой женщины» в советской массовой культуре;

4) исследовать феминистскую концепцию Ефремова в романах «Туманность Андромеды» и «Час Быка».

5) сформулировать сходства концепции Ефремова с советской версией феминизма 1917-1920-х годов и отличия от нее.

Гипотеза исследования – феминистская концепция Ефремова типологически совпадает с идеями советского феминизма периода 1917–1920-х годов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили отечественные и зарубежные исследования, посвященные советскому феминизму [Здравомыслова, Темкина, 2007; Ельникова, 2003; Юкина, 2007], «женском вопросе» в Советском Союзе [Buckley, 1989; Айвазова, 2005; Алферова, 2011; Шахназарян, 2011 и др.], образу «новой женщины» в советской культуре [Плунгян, 2022; Морозова, 2008; 2009; Виниченко, 2017 и др.], а также непосредственно творчеству Ивана Ефремова [Галина, 1997; Бритиков, 2005; Комиссаров, 2017; Сергеев, 2017 и др.].

Теоретическая значимость исследования заключается в исследовании феминистского аспекта текстов, созданных в советскую эпоху, когда к женщине со стороны государства проявлялось особое внимание. Полученные результаты и сделанные выводы позволяют существенно расширить представление о «женском вопросе» в советский период и могут послужить методологической основой для изучения женских образов в художественных произведениях других советских авторов.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения ее результатов в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных советской культуре и эстетике, истории советской литературы и непосредственно творчеству Ефремова.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В творчестве Ефремова представлена феминистская концепция гендерных отношений.

2. Феминистские идеи Ефремова реализуются на художественном уровне: в авторской речи, диалогах и дискуссиях героев, конфликтных ситуациях, образах героев и пр.

3. Феминистская концепция Ефремова включает следующие аспекты, касающиеся положения и роли женщины: трудовые отношения, семья и брак, материнство и воспитание детей, любовь и сексуальность, образ идеальной женщины, женщина в творчестве и искусстве, проблема угнетения женщин в патриархальной системе.

4. Феминистские идеи Ефремова в целом совпадают с идеями советского феминизма 1917-1920-х годов.

Структура выпускной квалификационной работы:

- Введение, в котором обозначена актуальность исследования, его новизна, объект, предмет и теоретико-методологическая база, а также цели и задачи.

- В первой главе «Советская версия феминизма» рассматриваются теоретические представления о месте женщины в новом обществе, анализируется партийно-государственная политика решения «женского вопроса» в период после революции 1917 года и до 1930-х годов, выявляются особенности образа «новой женщины» в советской массовой культуре.

- Вторая глава «Феминистская концепция И.А. Ефремова» посвящена исследованию феминистских идей в двух романах писателя – «Туманность Андромеды» и «Час Быка», в ней выявляется связь ефремовской концепции с идеями советской версии феминизма, определяются сходства и различия.

- В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, делаются выводы.

- Список использованной литературы включает 85 наименований (источники – 17; научная литература – 68).

ГЛАВА 1. СОВЕТСКАЯ ВЕРСИЯ ФЕМИНИЗМА

1.1. Представления о роли женщины в «новом советском обществе»

Советская теория «женского вопроса» изложена прежде всего в работах и выступлениях В.И. Ленина, Н.К. Крупской и А.М. Коллонтай. Их идеи характеризуют как «советский вариант теории марксистского феминизма» [Ельникова, 2003, с. 6], который восходит к работам К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля и К. Цеткин. Именно эти работы, согласно М. Бакли, обеспечили идеологически приемлемый путь решения «женского вопроса» в 1917 году, стали теоретической основой и трамплином для дальнейших рассуждений о месте женщины в сфере труда, дома и политики [Buckley, 1989, p. 18].

Ленин впервые проявил внимание к положению работниц и крестьянок, по наблюдению И.В. Алферовой, во время работы над трудом «Развитие капитализма в России» в 1899 году: «Это было естественно: женщины в России составляли огромную армию трудящихся, по своей сознательности и положению более отсталую и угнетенную, но без поддержки и прямого участия которой революция в огромной стране победить не могла» [Алферова, 2011, с. 89]. При этом отдельных пространственных статей по «женскому вопросу» Ленин не писал. Известно, что он вместе со своей женой Н.К. Крупской придумал план брошюры «Женщина-работница» [Там же, с. 90]. Кроме того, Ленин неоднократно высказывался по данной теме во время публичных выступлений, а некоторые его суждения о женщинах и семье содержатся в беседах с К. Цеткин, которые были ею записаны и опубликованы [Цеткин, 1925].

Крупская известна своей пропагандистской и агитационной деятельностью по вопросам женской эмансипации. В упоминаемой нами брошюре «Женщина-работница», опубликованной в 1901 году, она анализирует положение женщин рабочего класса в сфере труда, семьи и воспитания детей [Крупская, 1926]. Основные идеи, изложенные в данной работе, были учтены в первой программе РСДРП, принятой на втором съезде партии [Минаева, 2011, с. 38]. Как отмечает Р. Стайтс, брошюра Крупской

была «единственным марксистским обоснованием женского вопроса в России» до 1909 года – до появления «Социальных основ женского вопроса» Коллонтай [Стайтс, 2004, с. 334]. Позже Крупская стала автором огромного количества статей по «женскому вопросу», опубликованных в отдельных сборниках «О работе среди женщин» (1926), «8 марта – международный женский день» (1928), «Заветы Ленина о раскрепощении женщин» (1933) и др. [Минаева, 2011, с. 42]

Особого внимания заслуживает фигура Коллонтай, для которой проблема эмансипации женщин имела первостепенное значение: «Женщины и их судьба занимали меня всю жизнь, и их-то участь толкнула меня к социализму», – писала она [Коллонтай, 1972, с. 7]. И.В. Алферова отмечает, что «именно Коллонтай занимала лидирующее положение как теоретик, имеющий пространную программу по “женскому вопросу”, и как практик, знакомый с женским движением в международном масштабе» [Алферова, 2011, с. 112]. Ее взгляды и представления, по словам исследовательницы, во многом определили партийно-государственную политику по решению «женского вопроса» в первые послереволюционные годы и оказали влияние на мировоззрение советских женщин [Там же, с. 113]. Коллонтай предлагала решение по различным аспектам «женского вопроса» в статьях «Социальные основы женского вопроса» (1908), «Общество и материнство» (1916), «Положение женщины в эволюции хозяйства» (1923), «Семья и коммунистическое государство» (1918) и др. Кроме того, она автор концепции о «новой женщине» – идеальной женщины «нового советского общества». Образ такого типа женщины описан в статье «Новая женщина» (1913), а также в художественных произведениях Коллонтай – «Женщина на переломе» (1923), «Любовь трех поколений» (1923), «Любовь пчел трудовых» (1923), «Большая любовь» (1927).

Прежде, чем перейти к основным теоретическим положениям, составившим большевистскую концепцию решения «женского вопроса», обратим внимание на ряд важных моментов. Во-первых, важно подчеркнуть,

что проблема положения женщин решалась в рамках социал-демократической идеологии. «Женский вопрос» рассматривался советскими деятелями с марксистско-ленинской «классовой» точки зрения, а основная ориентация была на женщин рабочего класса: «И поскольку женщина – наемная труженица принадлежит к классу пролетариев, то ее положение в обществе есть положение классовое. Задача ее освобождения является составной частью более общей задачи освобождения пролетариата», – отмечает С.Г. Айвазова [Айвазова, 1998].

Во-вторых, освобождение женщин неразрывно связывалось с революцией и перестройкой государства и общества на социалистических основаниях: российские социал-демократы ратовали «за равное общественное, политическое и гражданское положение мужчин и женщин, достичь которого помогла бы социалистическая революция» [Старуш, 2011]. «Только полная победа рабочих, стремящихся к замене теперешнего строя социализмом, – окончательно освободит женщину», – такова была позиция Крупской [Крупская, 1926].

Следуя Марксу, Энгельсу и Бебелю, советские революционеры считали именно капитализм виновником эксплуатации женщин [Алферова, 2011, с. 91]. Так, Ленин говорил: «Главный шаг – отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины; освобождения ее от "домашнего рабства" путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному» [Ленин, 1921]. Таким образом, считалось, что полное раскрепощение женщины могут обеспечить только революция и социализм, которые устранят классовое неравенство и частную собственность.

Кроме того, важно отметить, что социал-демократы боролись с российским феминистским движением, возникшим на рубеже XIX-XX веков, видели в нем, как отмечает С.Г. Айвазова, буржуазное явление, «классово чуждое», поскольку оно развивалось вне рамок марксистского подхода [Айвазова, 1998]. В ряды «буржуазных феминисток» Коллонтай записывала

всех тех, кто рассматривал проблему угнетения женщин не с классовой точки зрения, а с точки зрения борьбы двух полов [Там же]. Однако идейная направленность теоретических положений российских социал-демократов совпадала с требованиями феминисток. Как отмечает И.В. Алферова, «идеальный набор качеств женщины будущего для них обязательно включал материальную и духовную самостоятельность, что обеспечивалось наличием образования, профессии и работы» [Алферова, 2011, с. 92]. Следовательно, программа большевиков в плане решения «женского вопроса» соответствовала идейным тенденциям в борьбе за права женщин.

Далее мы раскроем основные аспекты «женского вопроса», которые рассматривались советскими теоретиками. На наш взгляд, главными являются следующие пункты: вовлечение в производство, новый тип семьи, материнство и воспитание детей, быт и домашние обязанности, любовь и сексуальность, концепция «новой женщины».

Вовлечение в производство. Для советских эмансипаторов наравне с юридическим и гражданским равенством полов было важно экономическое раскрепощение женщины. Так, Ленин писал: «Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии» [Ленин, 1969, с. 165]. Чтобы считаться самостоятельным полноценным членом общества, женщине нужно было стать экономически независимой, работать и получать заработную плату. Только труд принесет женщинам освобождение и равноправие – так считала Крупская [Минаева, 2011, с. 38]. То же самое подчеркивала Коллонтай: «Труд – мерило положения женщины: труд в частном семейном хозяйстве ее закрепостил; труд на коллектив несет с собой ее освобождение» [Коллонтай, 1928, с. 194]. Таким образом, идея включения женщин в общий производительный труд, в экономическое строительство была одной из ведущих.

Материнство и воспитание детей. Единственное отличие женской роли в «новом советском обществе» от мужской, как отмечает С.Г. Айвазова, состоит в материнской функции, которая в изменившихся условиях становится функцией социальной [Айвазова, 1998]. Материнство, по мнению Коллонтай, должно было вырасти «в самостоятельную социальную обязанность и обязанность важную, существенную» [Коллонтай, 1928, с. 191]. Женщина в период беременности «перестает принадлежать себе – она на службе у коллектива – она “производит” из собственной плоти и крови новую единицу труда, нового члена трудреспублики» [Коллонтай, 1922, с. 173]. Материнство, по мнению не только Коллонтай, но и Ленина, представляло общественный интерес [Стайтс, 2004, с. 479].

При этом советские теоретики не выступали за насильственное материнство, они оставляли за самими женщинами право решать, становиться матерью или нет. Тем не менее к легализации аборт большевики относились как к необходимому и временному злу [Там же, с. 173].

Между тем существовала одна важная проблема – проблема совмещения материнства и труда. Для решения этого вопроса требовалось государственное обеспечение материнства [Батуренко, 2019, с. 122]. Об этом много писала в своих работах Коллонтай. В монографии «Общество и материнство» (1915) она не только обобщает опыт Англии, Франции и скандинавских стран по страхованию материнств, но и предлагает свой проект охраны материнства, в основе которого лежит мысль о том, что «забота о новом поколении должна лежать на том социальном сообществе, которое в этом поколении нуждается» [Алферова, 2011, с. 106]. И.В. Алферова выделяет следующие составляющие проекта Коллонтай по охране материнства: обеспечение возможности для матери самой ухаживать и кормить младенца в первые недели после рождения, не лишаясь при этом заработка; создание врачебных консультаций для матерей и младенцев; выдача бесплатного молока и детского «приданого»; организация яслей и детских садов [Там же, с. 106].

Кроме того, для решения противоречия между профессиональной реализацией женщины и материнством стала актуальна идея общественного воспитания детей. Эта проблема была затронута еще в брошюре «Женщина-работница» Крупской. Общественное воспитание наряду с охраной материнства и детства должны были устранить, по мысли Крупской, причины, по которым женщины отказываются от материнства [Крупская, 1926]. Отвечая на нападки критиков о том, что государство хочет отнять детей у родителей, Крупская поясняла: «Отнимать детей от родителей никто и никогда не собирался. Когда говорят об общественном воспитании детей, то под этим понимают то, что забота о содержании детей будет снята с родителей и общество обеспечит ребенку не только средства к существованию, но будет заботиться о том, чтобы у него было все, что необходимо для того, чтобы он мог полно и всесторонне развиваться» [Там же].

Кроме того, именно государство могло обеспечить идеологическое воспитание «новых советских людей»: «Не узкая, замкнутая семья с ссорами родителей, с привычкой думать только о благе родственников может воспитать нового человека, а только те воспитательные учреждения: детские площадки, детские колонии – очаги, где ребенок будет проводить большую часть дня и где разумные воспитатели сделают из него сознательного коммуниста, признающего один святой лозунг: солидарность, товарищество, взаимопомощь, преданность коллективу», – писала Коллонтай [Коллонтай, 1919, с. 32].

Новый тип семьи. Старый тип семьи, отмечает Р. Стайтс, рассматривался как «крошечное государство, в котором муж управляет женой и детьми, а также как общественный инкубатор будущих граждан» [Стайтс, 2004, с. 474]. «Такая семья должна быть упразднена, ее традиционную функцию воспитания детей должно будет заменить общественное воспитание, а равенство полов приведет к свержению ига мужа», – пишет исследователь [Там же, с. 474]. Тем не менее, у советских теоретиков не было цели полностью уничтожить практику отношений между мужчиной и женщиной. Необходимо

было установить новую форму совместного существования мужчины и женщины, «заменить традиционную патриархальную семью семьей нового типа – свободным браком и новой общностью равноправных людей» [Айвазова, 1998].

В брошюре «Женщина-работница» Крупская отмечает: «...самостоятельная работа и самостоятельный заработок женщины, не могли не отразиться на отношениях между мужем и женой. Жена перестает быть рабою мужа, а делается равноправным членом семьи» [Крупская, 1926]. Следовательно, большевики были сторонниками семьи эгалитарного типа, в которой мужчина и женщина равны и состоят в отношениях партнерства.

Более того, так как женщины не были больше экономически зависимыми от мужчин, а ответственность за воспитание детей перешла коллективу, семья должна была перестать быть семьей, лишившись прежних функций. В результате семейной ячейкой нового типа стал считаться союз двух людей, основанный на взаимном согласии [Buckley, 1989, p. 47].

Быт и домашние обязанности. Советские теоретики выступали за развитие таких форм организации жизни, которые должны были избавить женщин от утомительной работы по дому – уборки, готовки, стирки и пр.

«Пусть мужчины научатся ценить и любить женщину не за то, что она хорошо месит тесто, а за то, что в ней есть привлекательного, за ее личные качества, за ее человеческое “я”... “Отделение кухни от брака” – великая реформа, не менее важная, чем отделение церкви от государства, по крайней мере – в исторической судьбе женщины», – считала Коллонтай [Коллонтай, 1991, с. 105]. В работе «Семья и коммунистическое государство» она пишет о необходимости столовых, кухонь, прачечных, мастерских по починке одежды и т.д. [Коллонтай, 1922]

Коллонтай была убеждена, что при социализме работа по дому не нужна: индивидуальное домашнее хозяйство должно уступить место коллективному [Buckley, 1989, p. 45]. Облегчить бремя работавших женщин должны были жилищные коммуны, в которых «ведение домашнего хозяйства

предполагалось возложить на специалисток, говоря другими словами, на профессиональных хозяек» [Стайтс, 2004, с. 480]. Коллонтай, по словам Р. Стайтса, рассматривала ведение домашнего хозяйства как специальность, такую же важную, как и все остальные профессии [Там же, с. 480].

Любовь и сексуальность. Ленин не считал, что теоретическая разработка проблемы сексуальности имеет отношение к марксизму и полезна для революции [Buckley, 1989, p. 52]. В беседах с К. Цеткин он критикует теорию «стакана воды» (ее автором необоснованно называют Коллонтай), согласно которой «удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды» [Цеткин, 1925]. Ленин считает данную теорию не марксистской и «противообщественной», а «избыток половой любви», по его мнению, «не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их» [Там же]. Пролетариат «не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало» [Там же].

Основным теоретиком по данному вопросу была Коллонтай. Она не разделяла неприятие Лениным темы любви и сексуальности как темы для марксистов [Buckley, 1989, p. 53]. Рассуждения Коллонтай, по наблюдениям И.В. Алферовой, имели личный характер: «в них отразились рефлексии женщины, имеющей за плечами достаточно насыщенную любовными переживаниями жизнь» [Алферова, 2011, с. 111]. Однако Коллонтай в основном дополняла и развивала концепцию Г. Мейзель-Хесс, австрийской и немецкой публицистки, писавшей о вопросах брака и семьи.

Коллонтай считала, что «общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они ни имели» [Коллонтай, 1912]. Как и Г. Мейзель-Хесс она не отрицала брачный союз, основанный «на гармоничном созвучии душ и тел» – «большой любви» [Там же]. При этом, если отсутствует «большая любовь», они допускали существование «любви-игры» – такая любовь являлась «меньшим злом, чем эротический голод или обращение к услугам проституток» [Алферова, 2011,

с. 111]. По мнению Коллонтай, «любовь-игра» – это «эротическая дружба», которая основана на «большой тонкости душевной, внимательной чуткости и психологической наблюдательности» [Коллонтай, 1912].

«Любовь-игра» может со временем перейти в «большую любовь»: «вполне возможно, что люди, сошедшиеся на почве легкой влюбленности, свободной симпатии, – пишет Коллонтай, – найдут друг друга, что из “игры” вырастет великая чаровница – большая любовь» [Там же]. А может случиться так, что «любовь-игра» не перейдет в более глубокое чувство, и в этом нет ничего страшного – люди просто расходятся. «Пока мы друг другу нравимся – мы вместе; пройдет – разойдемся», – так говорит главная героиня повести «Любовь трех поколений» (1923) [Коллонтай, 1923]. При этом Коллонтай одобряла полиаморные отношения (то есть с несколькими людьми одновременно). Именно такие отношения она описывает в упомянутой нами повести. В этой повести главная героиня, комсомолка Женя, состоит в близких отношениях сразу с двумя мужчинами и не считает нужным скрывать одного своего партнера от другого: «Да, я не считаю нужным скрывать. Не нравится – пусть не целуются со мною. А я буду жить по-своему», – говорит она [Там же].

Ключевое значение имеет работа Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу» (1921), посвященная вопросам сексуальной морали [Коллонтай, 1921]. Автор «ярко описывает контраст между плотской любовью (бескрылым Эросом) и величественной пролетарской любовью (крылатым Эросом)» [Стайтс, 2004, с. 475]. «Бескрылый Эрос», по мысли Коллонтай, это «голый инстинкт воспроизводства, легко возникающее, но и быстро проходящее влечение пола, без душевно-духовных скреп», а «крылатый Эрос» – «любовь, сотканная из тончайшей сети всевозможных душевно-духовных эмоций (чувствований)» [Коллонтай, 1921]. Бескрылый Эрос», как пишет Коллонтай, вышел на первый план в период революции и Гражданской войны, но теперь, когда все позади, «нежнокрылый Эрос, загнанный временно в терновник пренебрежения, снова начинает предъявлять свои права» [Там же].

В недрах рабочего класса, как пишет Коллонтай, начинает выкристаллизовываться новая форма «крылатого Эроса» – «любовь-товарищество» [Там же]. Такая форма любви, по мнению автора, должна быть основана на «равенстве во взаимных отношениях», «взаимном признании прав другого, без претензии владеть безраздельно сердцем и душой другого» и «товарищеской чуткости, умения прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека» [Там же]. Именно такая любовь становится синонимом упоминаемой ранее «большой любви». При этом, на первом месте, по мнению Коллонтай, всегда должна быть «любовь-долг к коллективу» [Там же].

Концепция «новой женщины». Автором данной концепции также является Коллонтай. В статье «Новая женщина» (1913) она пишет о качествах, которые должны воспитать в себе женщины, а также описывает образ идеальной женщины. Коллонтай анализирует более двадцати рассказов и романов начала XX века и обнаруживает появившийся в них новый женский тип – незамужнюю женщину [Стайтс, 2004, с. 473], или, если следовать наименованию самой Коллонтай, «холостую женщину» [Коллонтай, 1919, с. 5]. Однако, как отмечает И.В. Алферова, такое наименование не означало категорическое отрицание брака: Коллонтай пишет об особенностях самореализации «новых женщин», которые не должны отрекаться от себя даже в угоду любви [Алферова, 2011, с. 109]. «Новая женщина», таким образом, это самоценная личность.

Отметим качества, которыми должна обладать женщина «нового общества» по мнению Коллонтай. Во-первых, «новой женщине» требуется умение побеждать свои эмоции, а также «укрощать свой немощный, легко, по-женски, ослабевающий дух» [Коллонтай, 1919, с. 17]. Во-вторых, женщины не должны быть собственницами: «Требую уважения свободы чувства для себя, они научаются допускать эту свободу и для другого», – пишет Коллонтай [Там же, с. 18]. Ревность она считала качеством женщины прошлого: «В новой

женщине “ревнивую самку” все чаще и чаще побеждает “женщина – человек”», – была уверена она [Там же, с. 19].

В-третьих, чертой «новой женщины» должна являться повышенная требовательность к мужчине – только уважение и бережное отношение, никакого проявления деспотизма женщина не должна терпеть [Там же, с. 19]. В-четвертых, современная женщина «не только не боится самостоятельности, но и научается ею дорожить по мере того, как интересы ее все шире и шире выходят за пределы семьи, дома, любви» [Там же, с. 22]. Современная женщина, таким образом, ценит не только личную, но и материальную самостоятельность.

И, наконец, в-пятых, «новые женщины» должны утверждать себя «не только как личности, но и как представительницы пола» [Там же, с. 29]. Коллонтай противопоставляет современных женщин женщинам прошлого с их «маской непорочности». «Новая женщина не отрекается от своего “женского естества”, она не бежит от жизни и не отстраняет от себя те “земные” радости, какие дарит скупая на улыбки действительность», – такова позиция Коллонтай по вопросам женской сексуальности [Там же, с. 29].

Итак, мы рассмотрели основные аспекты «женского вопроса», которые теоретически осмыслялись советскими деятелями. Одни положения так и остались в области теории, другие были реализованы в рамках советской партийно-государственной политики. Данную практику решения «женского вопроса» вопрос мы рассмотрим в следующем параграфе.

1.2. Партийно-государственная политика решения женского вопроса после революции и в 1930-е годы

После Октябрьской революции 1917 года перед советской властью встал вопрос о формировании образцовой личности нового общества – «нового человека». В современной отечественной науке данная проблема активно изучается исследователями [Бугаева, 2022, с. 27–30; Кременцов, 2022, с. 31–49; Новиков, 2019 и др.]. Частью проекта по созданию «нового человека» было конструирование «новой женщины» [Engel, 2004, p. 148]. Как мы видели в предыдущем параграфе, идея эмансипации женщин была одной из составляющих программы партии большевиков. После октября 1917 года началось активное решение ряда аспектов «женского вопроса» посредством государственной политики.

Анализируя советский гендерный порядок, установившийся после революции, Е. Здравомыслова и А. Темкина, характеризуют его как «этакратический», поскольку он определялся государственной политикой и идеологией [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 96–97]. Действительно, советское государство занималось нормативным регулированием вопросов, связанных с равенством полов, издавая законодательные акты и осуществляя идеолого-пропагандистскую деятельность. Проблему положения женщин новое государство также взяло под свой контроль, запретив работу всех независимых женских объединений. Вследствие возникло явление, которое С.Г. Айвазова охарактеризовала как «государственный феминизм» [Айвазова, 2005]. «Государственный феминизм», по формулировке исследовательницы, это «специальная политика государства в отношении женщин, в рамках которой отныне [с 1917 года] осуществлялась “эмансипация” советских гражданок» [Там же]. Интересно, но при этом, как пишет И.И. Юкина, интересы женщин как социальной группы не ставились – «женский вопрос» решался в соответствии с логикой интересов нового государства [Юкина, 2007, с. 442].

Первым делом женщины были законодательно уравнены с мужчинами в политических и гражданских правах. Это было закреплено в первой советской Конституции в июне 1918 года. Женщинам предоставили право наравне с мужчинами избираться и быть избранными в органы государственной власти и управления – так была осуществлена «политическая мобилизация женщин» [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 101].

Нововведения, основанные на идеях равноправия мужчин и женщин, коснулись также сферы труда. В первые месяцы советской власти был принят ряд постановлений, провозгласивших равное право мужчины и женщины на труд [Юкина, 2007, с. 442]. Была введена равная оплата труда для лиц обоих полов постановлением «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» в октябре 1918 года. Так, женщина-работница получила экономическую независимость от мужчины. Право женщин на работу стало центральным элементом советских представлений о гражданском равенстве [Engel, 2004, p. 150]. При этом, как отмечают Е. Здравомыслова и А. Темкина, проводилась «политика гендерного различия», «составлялись списки вредных и тяжелых условий труда, до которых не допускалась работающая женщина» [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 104].

Кроме того, проводилась политика социального обеспечения и поддержки материнства, которое утверждалось как гражданская обязанность женщины. Закон об охране материнства, как пишет Р. Стайтс, ввел полностью оплачиваемый отпуск по беременности в течение восьми недель до родов и восьми недель после родов, перерывы на кормление во время рабочего дня, бесплатное дородовое и послеродовое медицинское обслуживание и денежные пособия [Стайтс, 2004, с. 531]. Комиссия по охране материнства и детства контролировала выполнение установленных законов. Повсеместно появлялись роддомы, женские консультации и дома матери и ребенка, а также ясли и детские сады, которые «способствовали решению вопроса об общественном воспитании нового человека» [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 108].

Однако наряду с законами о поддержке материнства вышел нормативный акт иного характера. Речь идет о ноябрьском декрете 1920 года о легализации медицинских аборт. Советская женщина получила право самостоятельно выбирать, становится ей матерью или нет, однако это решение должно было быть «санкционировано общественной инстанцией и выполнено профессиональными врачами в условиях государственных медицинских учреждений» [Там же, с. 107]. В 1924 году вышло постановление о формировании абортных комиссий, задачей которых было регулирование очереди на операцию по искусственному прерыванию беременности [Лебина, 1999, с. 283]. Право женщины на искусственное прерывание беременности было утверждено брачно-семейным кодексом 1926 года [Там же, с. 284]. Однако, как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, большевики считали этот закон вынужденной мерой на фоне большого количества противозаконного прерывания беременности, послереволюционной и послевоенной разрухи и бедности.

Изменения коснулись и сферы брачных отношений. Первыми декретами советской власти был отменен церковный брак и введен гражданский, который регистрировался в органах местной администрации – ЗАГСax (например, декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», ноябрь, 1918 год). Кроме того, «Декретом о расторжении брака» 1918 года была упрощена процедура развода. Далее брачное законодательство 1926 года сделало равным зарегистрированный и незарегистрированный брак, подняло брачный возраст женщин с 16 до 18 лет, установило упрощенную процедуру установления отцовства – по одному лишь заявлению матери, утвердило возможность развода в одностороннем порядке – по почтовому уведомлению [Юкина, 2007, с. 441].

Брачный союз рассматривался большевиками как личное дело каждого. Нормой становились, как отмечает Н.Б. Лебина, гражданский брак, развод, возможность создания семьи без разрешения родителей и опекунов [Лебина, 1999, с. 267]. Новая концепция любви предполагала «свободу сексуальных

отношений и отделение сексуальных отношений от семейных и репродуктивных» [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 106]. Все дети, рожденные в браке и вне его, получили равные права – так была изъята категория «незаконнорожденности» и изменился правовой статус «внебрачной матери». [Там же, с. 106]. Таким образом, происходило ослабление семейно-брачных уз: для того, чтобы стать матерью, женщине необязательно было вступать в брак, кроме того, родительские функции по воспитанию ребенка брали на себя специальные учреждения. Именно поэтому послереволюционную политику большевиков до начала 1930-х годов исследователи Е. Здравомыслова и А. Темкина охарактеризовали как «политику дефамилизации» [Там же, с. 113].

При этом советской властью проводилось реформирование бытовой сферы. Одной из первых решалась задача по обобществлению сферы питания. В октябре 1917 года вышло постановление «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», согласно которому следовало «превратить рестораны и трактиры в общественные столовые, работающие под руководством и контролем города» [Декреты Советской власти, 1957, с. 27]. В последующие годы открывалось все больше общественных столовых в Москве и Петрограде. Однако общественные столовые, как отмечает И.В. Алферова были скорее способом в борьбе с голодом в 1920-е годы, чем показателем освобождения женщин от домашних дел [Алферова, 2011, с. 24]. В сентябре 1926 года при Президиуме ВЦИК была создана Комиссия по улучшению труда и быта женщин, задачами которой стало в том числе обследование состояния труда и быта женщин [Там же, с. 15].

Силы нового советского государства, кроме того, были направлены на ликвидацию безграмотности не только мужчин, но и женщин (декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», 1919 год). Решением этой задачи, как отмечает О.А. Хасбулатова, наряду с органами образования занимались специальные отделы партийных комитетов по работе среди женщин [Хасбулатова, 2003, с. 33]. В целом получение женщинами

образования рассматривалось как необходимое условие достижения равноправия полов. Так, в 1918 году было введено обязательное совместное обучение мальчиков и девочек. Кроме того, были созданы профессиональные школы, техникумы и другие учебные заведения, в которых женщины могли получить профессию [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 534].

Для вовлечения женских масс в коммунистическое строительство в 1919 году на базе Комиссий агитации и пропаганды среди рабочих и крестьянок РКП(б) были созданы женотделы (сокращение от Отдел по работе среди женщин, Женский отдел). Первыми заведующими центральных женотделов были последовательно И. Арманд и А. Коллонтай. Цели женотделов, как отмечают Е. Здравомыслова и А. Темкина, определялись партийными директивами, закрепленными в резолюциях и постановлениях съездов и конференций [Там же, с. 110]. Задачами женотделов было «распространение влияния партии на широкие слои беспартийных работниц и крестьянок путем их политического культурного воспитания, вовлечение женщин в партийное, советское, профсоюзное и кооперативное строительство, социализация быта» [Юкина, 2007, с. 449]. Кроме того, женотделы пытались решить вопросы охраны материнства, женского труда, аборт, закрепощенности и неравенства женщин. Женотделы включились также в работу по созданию нового быта. Так, совещание заведующих женотделами в конце 1922 года, по наблюдениям И.В. Алферовой, рассматривало вопросы о необходимости учреждения детских площадок, преодоления отрицательного отношения к общественному питанию, организации рабочего жилья и коммуны [Алферова, 2011, с. 26].

Женотделы организовывали делегатские собрания. Делегатки выбирались на производственных собраниях и направлялись на обучение – их знакомили с принципами социалистического строительства, затем они проводили политику женотделов на местах [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 112]. Делегатские собрания объединяли женщин вокруг партийных, профсоюзных и кооперативных организаций, способствовали привлечению

широких женских масс к общественно-политической и экономической жизни [Стайтс, 2004, с. 456].

К слову, на воспитание в новом духе женской аудитории работала также пропаганда. Так, по наблюдениям Р. Стайтса, издавались брошюрами и имели широкое хождение работы классиков марксизма о женском вопросе, пропаганда новой политики проводилась в журналах «Работница», «Коммунистка», «Крестьянка», «Делегатка», «Красная сибирячка» и др. [Там же, с. 454].

Отметим также, что борьба за раскрепощение женщин особо трудно давалась в восточной части страны. Положение женщин Востока – мусульманок, христианок, евреек, буддисток из окраинных районов Кавказа, Волги и Центральной Азии – в дореволюционное время было крайне тяжелым [Там же, с. 450]. В связи с этим требовались особые методы работы среди женщин. Так, в 1927 году женотдел объявил кампанию «Худжум». Целью данной кампании было привлечение «отсталых» женщин к общественной работе, ликвидация безграмотности и искоренение патриархальных традиций, прежде всего, ранних браков, калыма, избиений и убийства женщин, покрывания лица и тела [Плунгян, 2022, с. 99].

Идеология освобождения женщин, как пишут Е. Здравомыслова и А. Темкина, воплощаемая через законодательные изменения, не была реализована полностью: «в 1920-е годы во многих социальных слоях, особенно в деревне, сохранялся традиционный гендерный уклад с соответствующими религиозными практиками и патриархальными устоями», – отмечают исследователи [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 116]. Таким образом, новое (политика эмансипации женщин) и старое (патриархальность) сосуществовали в первое послереволюционное десятилетие. Более того, как пишет О.В. Кутырова, советское государство характеризовалось в первую очередь утилитарным отношением к женской эмансипаций – решение «женского вопроса» было подчинено хозяйственным и идеологическим нуждам революции [Кутырова, 2005, с. 218].

В начале 1930-х годов начинается постепенное свертывание партийно-государственной политики по решению «женского вопроса». Этому послужили следующие причины: во-первых, начало индустриализации и коллективизации потребовало трудового участия как можно большего числа женщин; во-вторых, советское государство не смогло реализовать всех взятых на себя задач по развитию службы быта и общественного воспитания детей; в-третьих, значительно снизилась рождаемость из-за ослабления семейных устоев [Айвазова, 2005]. Кроме того, к «женскому вопросу» в целом относились как к вторичной проблеме на фоне других – общегосударственных [Engel, 2004, p. 153]. Все это привело к тому, что власти решили пересмотреть необходимость решения вопроса по женской эмансипации.

1930-е годы исследователи называют «великим переломом»: государство отходит от революционной политики по отношению к семье, возвращается к традиционалистским нормам [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 118]. Это период осуждения свободной любви, контроля за рождаемостью, укрепления семейной ячейки и поддержания «культы материнства» [Buckley, 1989, p. 108]. На рубеже 20-30-х годов, по наблюдениям Н.Б. Лебиной, сформировались официальные нормы сексуальной и семейной жизни, которые заключались в том, что советский человек должен ориентироваться на моногамный брак, женская сексуальность должна быть реализована только посредством деторождения, добрачная половая жизнь – это аморально, при этом отклоняющиеся формы сексуального поведения осуждались [Лебина, 1999, с. 275]. Кроме того, свертывалось реформирование бытовой сферы. В новых экономических условиях профсоюзные и особенно кооперативные организации начали активно сокращать затраты, связанные в том числе с устройством бытовых учреждений, облегчавших работу женщин по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей», – отмечает И.В. Алферова [Алферова, 2011, с. 26].

В 1930 году были упразднены женотделы, что стало результатом опасений насчет усиления автономии этих учреждений и формирования

«феминистских уклонов» их деятельности [Кутырова, 2005, с. 219]. Но политическая работа среди женщин, как отмечает Р. Стайтс, не прекратилась – «она продолжала осуществляться женсекторами, слабыми подобиями местных женотделов, а также “делегатскими собраниями”, сохранившимися в сельской местности до 1934 года» [Стайтс, 2004, с. 465]. Тем не менее специальные политические усилия по мобилизации женщин через женские организации стали анахронизмом [Buckley, 1989, p. 108].

В сталинской Конституции 1936 года «женский вопрос» был объявлен решенным: «В СССР решена задача огромной исторической важности – впервые в истории на деле обеспечено подлинное равноправие женщин» [Цит. по: Айвазова, 2005]. Однако почти в то же время вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об аборт». Данный документ лишал женщин репродуктивных прав (прерывание беременности было законным только по медицинским показаниям), был нацелен на укрепление семьи и принудительное материнство. Позднее, в 1944 году, государством начинает признаваться только зарегистрированный брак, а также запрещается регистрация отцовства внебрачных детей [Здравомыслова, Темкина, 2007, с. 120]. Тем самым женщины, решившиеся на внебрачную связь и свободную любовь, вновь попадали в положение неравенства.

Так произошел возврат к патриархальным нормам: «сталинская моралистическая риторика совпадала с традиционной патриархальной», – пишет Н.Б. Лебина [Лебина, 1999, с. 276]. При этом женщины получили двойную нагрузку: они должны были заниматься как трудовой и общественной деятельностью, так и домашними делами, материнством и воспитанием детей. Такие социальные нормы, как отмечает Е.В. Бобровская, сохранялись до самого распада Советского Союза [Бобровская, 2020, с. 136].

Таким образом, послереволюционная партийно-государственная политика решения «женского вопроса» в целом отталкивалась от основных положений теоретиков женской эмансипации. Советское государство обеспечило политическое и гражданское равноправие, провело реформы в сфере труда, материнства, брака, семьи, быта. Однако в период сталинизма политика государства приобрела в данном вопросе иное направление – все нововведения и запреты были направлены на укрепление семьи, произошел возврат к патриархальным нормам.

1.3. «Новая женщина» в советской массовой культуре 1917-1920-х годов

В послереволюционный период активно разрабатывался и внедрялся в общественное сознание посредством пропаганды образ «нового человека», в том числе и «новой женщины». Под термином «новая советская женщина» (или «новая женщина») понимается идеологический образ, призванный служить ориентиром для женского населения советского государства [Шабатура, 2006, с. 192]. Данный образ прописывался в культурных текстах примерами социально одобряемого поведения и моральных норм [Там же, с. 192]. Кроме того, женские образы в советской массовой культуре способствовали визуализации идеологии и усвоению идеологических концептов общественными массами.

Социокультурный образ «новой женщины» формировался различными способами: через теорию, политическую практику и с помощью художественных средств в рамках массовой культуры. Теорию и политическую практику в плане решения вопроса по эмансипации женщин мы рассматривали в предыдущих параграфах. В рамках данного параграфа мы анализируем образ «новой женщины» в советской массовой культуре.

В связи с провозглашением равенства полов советской властью важно понимать, что большое значение имел абстрактный и обобщенный образ «строителя коммунизма», под которого подводился и образ «новой женщины». Качества данного идеологического идеала были следующими: «любовь к коммунизму, готовность за него бороться, революционный дух, желание участвовать в переменах и активность, трудовая дисциплина, эрудиция и знания, справедливость и безупречная честность, дух коллективизма» [Шабатура, 2006, с. 192].

Что касается идеологического концепта «новая женщина», то, по словам И.В. Виниченко, в 1920-е годы властные структуры стремились к формированию следующих черт «новой женщины»: общественная активность, навыки руководства, возможность работать наравне с мужчиной,

свобода от домашнего быта [Виниченко, 2017, с. 167]. При этом специфической особенностью образа «новой женщины» было «отрицание важности семейной роли, роли материнства» [Там же, с. 167].

Кроме того, был актуализирован образ «холостой» женщины. Этому способствовала политика государства по изменению социального статуса женщины – ее освобождение от быта, воспитания детей, а также ее экономическая независимость от мужа [Шабатура, 2006, с. 24]. Тем самым еще одними главными качествами «новой женщины» становятся самодостаточность и независимость: «новая женщина» способна самостоятельно построить свою жизнь и не зависеть больше от мужчины [Смагина, 2019, с. 258]. На примере данной пропагандируемой ролевой модели, по словам С.А. Смагиной, женщине предлагалось занимать активную жизненную позицию, брать ответственность за собственную судьбу [Там же, с. 259].

Культурная норма конструировалась через следующие каналы советской массовой культуры: агитационные плакаты, женские журналы, кинематограф и художественные произведения. Рассмотрим каждый из данных каналов подробнее.

Самым мобильным, оперативным и распространенным видом изобразительного искусства в 1920-е годы был агитационный плакат. Плакат, как отмечает И.В. Виниченко, являлся основным визуальным носителем идеологических посланий в послереволюционный, поскольку «использование простых изображений и коротких текстов-лозунгов делало его доступным для малограмотного адресата» [Виниченко, 2017, с. 167]. В 1920-е годы основными направлениями агитации, нашедшими отражение в образах «новых женщин» на плакатах, были «перестройка быта, ликвидация неграмотности, создание учреждений по охране материнства и младенчества, привлечение женщин к общественной деятельности» [Шабатура, 2006, с. 22].

Изучением агитационных плакатов раннего советского периода в аспекте «женского вопроса» занимались многие исследователи. Так,

Е.В. Дзюба и Ю.Г. Ткаченко выявляют концептуальных метафоры, реализующие манипулятивные смыслы советской идеологии в отношении женщин [Дзюба, Ткаченко, 2017, с. 5]. Исследователи акцентируют внимание на следующих метафорах: метафоре построения нового мира («Работница, будь в передовых рядах строительства социализма!»; «Раскрепощенная женщина, строй социализм!»; «Строй новый быт!» и др.), метафоре рабства и раскрепощения женщин прежде всего от домашнего быта («Женщина-работница, кооперация освобождает тебя из-под власти кухни и печного горшка»; «Долой кухонное рабство! Даешь новый быт!» и др. [Там же, с. 6–7]

Обратимся к упоминаемому выше плакату «Женщина-работница, кооперация освобождает тебя из-под власти кухни и печного горшка», автором которого является художник А.Н. Аршинов (Рис.1). В верхней части плаката изображается прежнее положение женщин, обремененных домашними делами и воспитанием детей. В нижней части представлена государственная альтернатива: раскрепощение женщины путем организации общественных столовых, повышения образования, открытия детских садов.

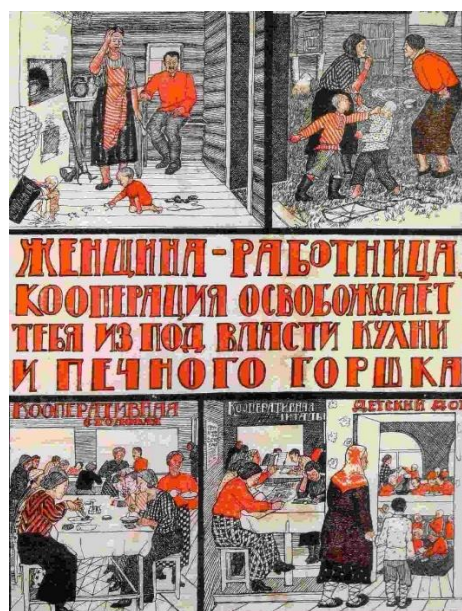

Рисунок 1. «Женщина-работница, кооперация освобождает тебя из-под власти кухни и печного горшка», А.Н. Аршинов, 1923 г.

Ведущее место в советских плакатах занимал героический женский образ. Так, по наблюдениям О.О. Хлопониной, агитационные плакаты

освещали тему социальных преимуществ и новых возможностей советских женщин в героическом ореоле («Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке?», 1920), и тему овладения грамотностью (Е. Кругликова, «Женщина, учись грамоте!», 1923) [Хлопонина, 2017, с. 289].

Наиболее иллюстративным является названный выше плакат «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке» неизвестного художника (Рис. 2). Героиня изображена с молотом в левой руке. Правой рукой она указывает на государственные институты, способствующие вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь, повышению грамотности и освобождению от работы по дому и материнству. Героическое в образе «новой женщины» подчеркивается с помощью красной одежды, молота как символа «нового советского общества», серьезного выражения лица без улыбки, а также лучами солнца, на фоне которых изображена героиня.

Рисунок 2. «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке», 1920 г.

Если говорить об особенностях изображения женщин на плакатах, то, как отмечает Е.А. Шабатура, в самом начале 1920-х годов образ женщины связывался с революционной тематикой – «красный платок, отсутствие улыбки, шествие в массе, наличие орудий труда, нахождение рядом со

знаменем» [Шабатура, 2006, с. 21]. При этом женщины на плакатах имели физическое сходство с мужскими фигурами (иногда отличались только наличием прически и юбки) и изображались в качестве «помощника» мужчины [Там же, с. 22].

Еще одна важная черта образа «новой женщины» на плакатах, которая появилась на рубеже 1920-30-х годов и долго оставалась актуальной – это ее связь со спортом. В указанный период была развернута грандиозная агитационно-пропагандистская работа в области физической культуры и спорта [Истягина-Елисеева, 2018, с. 45]. В пример можно привести плакат А. Дейнеки «Физкультурница» (Рис.3). На плакате в полный рост изображена спортивная девушка, которая вот-вот запустит диск. Слоган призывает заниматься спортом. На заднем плане изображены велосипедисты, бегуны и стрелок – люди, занимающиеся спортивной деятельностью. Таким образом, в спорт вовлекались представители обоих полов – как мужчины, так и женщины.

Рисунок 3. «Физкультурница», А. Дейнека, 1933 год

Помимо плаката, советская власть с первых лет своего существования обратилась к другому средству массовой пропаганды – женским журналам. Журналы «Коммунистка», «Крестьянка», «Работница», «Делегатка» призваны были воспитывать в новом духе женскую аудиторию. При этом, например,

«Коммунистка» была адресована грамотным работницам, которые могли вести общественно-пропагандистскую работу среди советских женщин. Журнал характеризовался директивной формой взаимодействия и официальной интонацией. Так, название рубрик были следующие: «Вопросы организации», «Вопросы пропаганды», «Вопросы коммунистического воспитания». Заголовки статей преимущественно имели предписывающий характер: например, «Взять классовую установку в работе», «Подготовить новые кадры для выдвижения», «Наладить руководство выдвиженками» и др. [Коломийцева, 2013, с. 200]. В то же время журнал «Крестьянка» был адресован сельским жительницам. В издании простым и понятным языком доносились основы партийной политики: разъяснялось, как проводить ликвидацию безграмотности, организовывать женсоветы, комитеты взаимопомощи, пункты общественного питания, ясли, детские сады (статьи «Что такое крестьянская взаимопомощь», «Комитеты взаимопомощи в борьбе с голодом», «Крестьянки, стройте школы», «Крестьянка - член совета», «Как организовать кустарную артель в деревне» и т.п.) [Там же, с. 201].

В 1920-е годы активно создавались региональные женские журналы: например, «Работница и крестьянка» (Симбирск и Ленинград), «Красная сибирячка» (Новосибирск), «Красная тулячка» (Тула) и др. Как отмечает Е.В. Болотова, согласно интерпретации журнального дискурса 1920-х, «новая женщина» – «это прежде всего общественница, делегатка, работница, посетительница собраний и библиотек, член партийной ячейки, т. е. активный социальный индивид, освобожденный от угнетения и предрассудков прошлого» [Болотова, 2020, с. 420].

Еще одним важным механизмом идеологического просвещения в послереволюционный период становится кинематограф: «как инструмент влияния на массовое сознание, это новое искусство воссоздавало женские образы, вписанные в реальность социума, а позднее и идеальную модель, встроенную в картинку светлого будущего, на экране представляемого как настоящее», – отмечает О.О. Хлопонина [Хлопонина, 2017, с. 142]. Однако в

1920-е годы кинематограф был лишь на начальном этапе своего становления и воспринимался массовым зрителем как нечто новое и экстраординарное.

Кинематограф 1920-х годов активно противопоставлял старое (дореволюционное) и новое (советское), включая дореволюционную женщину и «новую женщину»: «На одном полюсе был мир темного домостроевского прошлого, безграмотных баб с религиозным мышлением и тяжелой судьбой. А на другом – радужный мир “новой женщины”, комсомолки и красавицы, борца, товарища и строительницы светлого будущего наравне с мужчиной. Эта женщина была “идеологически грамотной”, ориентировалась на знания, а не на обычаи и религию, она проявляла самостоятельность, как в решении государственных задач, так и о вступлении или невступлении в брак», – пишет С.А. Смагина [Смагина, 2019, с. 262].

Данное противопоставление нашло отражение, к примеру, в удмуртском художественно-этнографическом фильме Алексея Дмитриева «Соперницы» (1929). В фильме представлен любовный треугольник: Италмас, дочка лавочника, и Тутыгаш, активистка кооперативного движения, влюблены в охотника Ядыгара. Типажи девушек представляют образ дореволюционной женщины (Италмас) и «новой женщины» (Тутыгаш). Логично, что в соревновании за любовь побеждает Тутыгаш: новое побеждает старое.

В 1920-е годы в кинолентах присутствовал героический образ женщины, в то время как материнский тип, по словам О.О. Хлопониной, был менее востребован и в основном нужен был для того, чтобы «иллюстрировать разницу между положением женщины до и после революции» [Хлопонина, 2017, с. 144]. В кино, как отмечает исследователь, акцентировалось внимание на самостоятельности женщины и ее способности принимать решения о жизни ребенка (Катя в ленте «Катя "Бумажный ранет"», Людмила в «Третьей Мещанской») [Там же, с. 144-145]. Кроме того, в кинематографе 1920-х годов доминировал образ холостой женщины или же подчеркивалась независимость женщины от мужчины: «Перевал» (реж. Сергей Митрич, 1925), «Бабий лог»,

(реж. Сергей Митрич, 1925), «Ваша знакомая» (реж. Лев Кулешов, 1927), «Жена» (реж. Михаил Доронин, 1927) и др. [Там же, с. 145].

Феминистская идея независимости женщины от мужчины отражена также в фильме А. Роома и В. Шкловского «Третья мещанская» (1927). В фильме иллюстрируются полиаморные отношения – «любовь втроем» («Любовь втроем» – первоначальное название) – Людмила, будучи замужем за Николаем, вступает в интимные отношения с поселившимся у них Николаем, фронтовым другом мужа. Герои начинают жить втроем. Затем Людмила понимает, что беременна, но не знает, кто отец ребенка. В конце фильма Людмила оставляет двух мужчин и уезжает из Москвы на поезде – по всей видимости, с целью начать новую жизнь. Таким образом, в Людмиле к концу фильма вырисовывается образ «новой женщины» – свободной, независимой, принявшей решение родить и воспитать ребенка самостоятельно.

Идеологическую функцию в послереволюционное время начала исполнять и художественная литература, в которой также нашел отражение образ «новой женщины». В качестве примера следует назвать роман Ф. Гладкова «Цемент» (1925). В героине Даше Чумаловой представлен образ сильной женщины – «новой женщины». Благодаря революции и тяготам жизни она осознала себя «человеком», «свободной советской гражданкой» [Гладков, 1958, с. 29-30], а то есть полноправным членом нового строящегося общества. Глеб по мере восстановления завода начинает видеть в ней не только «бабу»: перед ним стоял «равный ему по силе человека, который взял на свои плечи все тяготы этих лет. И не просто жена была Даша, а женщина без привязанности к мужу» [Там же, с. 259]. Так утверждается новый тип семьи, основанный на равноправии, а не на патриархальных отношениях. Кроме того, Даша снимает с себя материнские обязанности – отдает дочь в детский дом – ради того, чтобы построить всем детям, в том числе своей дочери, лучшее будущее. Так общественное становится для «новой женщины» приоритетом – брак, семья и материнство уходят на задний план. Кроме того,

женщины, преданные коммунистическим идеалам, изображены в произведениях Ф. Гладкова, В. Вишневского, К. Тренева, Ю. Лебединского [Шабатура, 2006, с. 23.]

Еще одной важной составляющей социокультурного образа «новой женщины» была мода, которая также способствовала конструированию женской идентичности. В 1920-е признаком моды «становится минимализм в одежде, в украшениях, в косметике и в быту, символизирующий сближение женских и мужских образов» [Виниченко, 2017, с. 167].

Однако в 1930-е годы образ идеальной советской женщины в массовой культуре начинает меняться в связи с установлением иной направленности советской политики, о чем мы говорили в предыдущем параграфе: политика государства нацелилась на пропаганду деторождения и материнства. В 1930-е годы увеличивается традиционная составляющая социокультурного образа женщины (перестают критиковаться роли матери, жены, хозяйки дома) и происходит уход от радикальной направленности революционных лозунгов, когда единственными предписываемыми ролями были роли общественницы, работницы, коммунистки [Шабатура, 2006, с. 24].

О.О. Хлопонина, исследующая трансформацию женской образности в советском кинематографе 1920-1930-х годов, отмечает, какие изменения произошли в женском образе при смене десятилетий: если в 1920-е годы для женского образа были характерны решительность, ориентированность на новый быт, социальная активность, коллективизм, грамотность, а в целом женский тип проявлялся в выраженной маскулинности, то к 1930-м годам маскулинность трансформировалась в традиционную женственность: за женщиной стали признаваться черты доброты, жертвенности, эмоциональной теплоты, отзывчивости [Хлопонина, 2017, с. 142]. Исследовательница характеризует динамику образа «новой женщины» следующим образом: «женщина уверенно идет по пути развития образа героини, вырастая от жертвы старой жизни к ударнице, общественнице и передовичке, а затем,

поднимаясь все выше, в конце концов предстает в образе красивой, ухоженной и уверенной в себе женщины-ученого» [Там же, с. 149].

Факт того, что в 1930-е годы был взят «курс на своеобразную апологию женственности», также отмечает А.М. Неминуший: исследователь пишет, что начинают печататься аналоги западных модных журналов («Искусство одеваться», «Домашняя портниха» и др.), в городах открывались ателье по пошиву одежды, в кинематографе были воплощены образы женственных, романтических и, одновременно, эротичных девушек [Неминуший, 2016, с. 119–120]. Безусловно, это было парадоксом на фоне существовавших правил и ограничений.

Очевидно, что образ идеальной советской женщины продолжал развиваться дальше в советской массовой культуре. Так, например, в военный и послевоенный период актуальным стал героический образ «женщины на войне» [Завершинская, 2016, с. 83]. Далее до перестройки все-таки преобладал образ общественно активной женщины, но уже к середине 1980-х годов, по наблюдениям Н.С. Чхетиани, центральное место в культуре стал занимать образ женщины домашней, так называемой «неотрадиционалистки» [Чхетиани, 2010, с. 25].

Таким образом, в 1920-е годы с помощью средств массовой культуры (агитационные плакаты, женские журналы, кинематограф и художественные произведения) транслировался не просто образ «новой женщины», а необходимая модель поведения, следовать которой предлагалось советским женщинам. Тем самым образ «новой женщины» был идеологическим конструктом, призванный служить поведенческим ориентиром. Безусловно, актуальным и требующим отдельного исследования остается вопрос о том, насколько образ «новой женщины», бытовавший в массовой культуре, соответствовал реальной жизни.

ГЛАВА 2. ФЕМИНИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И.А. ЕФРЕМОВА

2.1. Феминистские идеи в романах И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка»

Роман «Туманность Андромеды» впервые был издан в 1957 году в журнале «Техника – молодежи» за 1957 год. В виде отдельной книги впервые опубликован издательством «Молодая гвардия» в 1958 году. «Туманность Андромеды» представляет собой утопическое произведение. Время действия романа – приблизительно третье тысячелетие. Писатель конструирует мир будущего и пытается смоделировать то общество, которое должно возникнуть в результате развития с опорой на теоретические принципы марксизма-ленинизма. Общество будущего по Ефремову – это объединение всего человечества, в котором отсутствует разделение на государства, классовые различия (в том числе половое неравенство) и частная собственность. Культура здесь представляет собой совокупность всех этнических культур Земли, а власть принадлежит системе Советов (Совет Экономики, Совет Здоровья, Совет Чести и Права, Совет Звездоплаванья) и является средством управления и поддержания стабильности всех общественных сфер: в определенных ситуациях «власть берет по своей компетенции один из Советов» [ТА¹, с. 85]. Несколько сотен лет постоянного развития человечества привели к трансформации людей и их взаимоотношений. Изменились женщины, их место и роль в обществе и их отношения с мужчинами – описание положения женщин в условиях идеального общества составляет феминистскую концепцию писателя.

Своеобразным продолжением «Туманности Андромеды» стал роман «Час Быка». Роман был опубликован в 1968–1969 годах в журналах «Техника – молодежи» и «Молодая гвардия», первое книжное издание вышло в 1970 году в издательстве «Молодая гвардия». Роман, по наблюдениям Е.В.

¹ Ефремов И.А. Туманность Андромеды // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Туманность Андромеды; Звездные корабли; Сердце Змеи; Пять картин. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 6-322.

Бороды, сочетает в себе черты одновременно утопии и антиутопии [Борода, 2017, с. 45]. Действие «Часа Быка» происходит также в далеком будущем, но спустя несколько сотен лет с событий первого романа. В произведении «светлому будущему» коммунистической автор противопоставляет другой тип общества, который обозначен им как результат «государственного капитализма» [ЧБ², с. 30]. Модель такого общества конструируется на примере планеты Ян-Ях, или Торманс, что означает «мучение». Тормансом эту планету называют земляне, поскольку для них она является «символом тяжелой жизни людей в неустроенном обществе» [ЧБ, с. 22]. Эта планета населена потомками людей с Земли, «не захотевших покориться неизбежному ходу истории» и сбежавших с Земли на другую планету [ЧБ, с. 23]. В «Часе Быка» развивается и углубляется авторская концепция коммунистического будущего, в том числе феминистская концепция. В романе автор противопоставляет земных женщин, отправившихся в составе космической экспедиции на Торманс, тормансианкам, существующим в условиях угнетения и патриархата.

В романах «Туманность Андромеды» и «Час Быка» феминистская концепция писателя будет рассмотрена нами в следующих аспектах: трудовые отношения, семья и брак, материнство и воспитание детей, любовь и сексуальность. Важно также проанализировать образ женщины будущего в произведениях, чтобы понять представление автора об идеальной женщине. Еще одной составляющей концепции писателя является связь женщин будущего с искусством – в романах присутствуют описания танцующих, рисующих, поющих героинь. Кроме того, в романах имеются примеры патриархальности и угнетенного положения женщин (в рассуждениях о прошлом, в действительности мира будущего, а также в описании тяжелой ситуации неустроенного общества на Тормансе). Все перечисленные выше аспекты феминистской концепции Ефремова будут проанализированы в отдельных пунктах.

² Ефремов И.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Кн. 2. Час Быка. М.: Мол. гвардия, 1989. 462 с.

2.1.1. Женщины и труд

В утопическом мире коммунистического будущего люди работают не для того, чтобы заработать средства к существованию, а на благо общества – на его развитие и процветание. Интересно, что в отличие от классических утопий, где рабочее время сводится к минимуму, а свободное время герои проводят в развлечениях, в романах Ефремова герои в условиях сокращенного рабочего дня в свободное время также трудятся – занимаются спортивной, интеллектуальной и художественной деятельностью [Chumargova, 2015, p. 36]. Труд, таким образом, занимает значимое место в мире коммунистического будущего.

При этом в сфере труда установлено гендерное равенство: женщины работают наравне с мужчинами. Героини романов задействованы во всех основных развивающихся сферах мира будущего – это космос, наука и искусство. Так, в «Туманности Андромеды» Веда Конг является «историком древнего мира» [ТА, с. 26], участвующим в археологических раскопках, Эвда Наль – «знаменитый психиатр» [ТА, с. 39], Низа Крит впервые участвует в космической экспедиции в качестве «астронавигатора» [ТА, с. 13], а модель художника Карта Сана Чара Нанди – биолог и танцовщица [ТА, с. 226].

Преобладающей сферой деятельности для людей будущего является наука. Научные исследования считаются «основным делом человека» [ТА, с. 200]. Причем особенное место среди наук занимает история. В мире будущего – это «важнейшая отрасль знаний, наука наук» [ЧБ, с. 136]. Интересно, что историками в двух романах Ефремова являются главные героини – Веда Конг и Фай Родис. Именно им автор поручает занятие самой важной наукой будущего.

При этом в мире будущего отсутствует половая дифференциация труда – деление на мужскую и женскую работу. В романах профессии нередко

представлены как мужчинами, так и женщинами. Так, «астронавигаторами» являются участники экспедиции на звездолете «Тантра» Низа Крит и Пен Лин, участники экспедиции на звездолете «Темное Пламя» Мента Кор и Вир Норин; биологами – танцовщица Чара Нанди и Эон Тал, член экипажа «Тантры»; историками – Веда Конг, Фай Родис и Кин Рух, учитель Фай Родис.

В мире будущего активно исследуется космос. В «Туманности Андромеды» одна из сюжетных линий – это описание космической экспедиции звездолета «Тантра». На корабле помимо астронавигатора Низы Крит присутствует пять женщин. При этом имена некоторых из них не указаны, обозначается только профессия: «Пять женщин корабля – Ингрид, Лума, второй электронный инженер, геолог и учительница ритмической гимнастики Ионе Мар, исполнявшая еще обязанности распределителя питания, воздушного оператора и коллектора научных материалов, – собрались словно на древний похоронный обряд» [ТА, с. 138]. Женщины корабля также, как и мужчины, несут дежурство. Так, первая глава романа начинается с дежурства Низы Крит и Эрга Ноора, которые в течении трех месяцев следят за показаниями приборов и курсом космического корабля, пока остальные члены экипажа «погружены в гипнотический сон» [ТА, с. 12]. При этом Низа Крит и Эрг Ноор в свою очередь сменяют друг друга, чтобы каждый мог поспать несколько часов. Мужчины и женщины, таким образом, в равной степени осуществляют свои должностные обязанности.

В «Часе Быка» состав экипажа звездолета «Темное пламя», отправляющегося с экспедицией на планету Торманс, представлен списком в самом начале романа. В экспедиции участвует семь женщин (Фай Родис, Мента Кор, Нея Холли, Олла Дез, Эвиза Танет, Тивиса Хенако, Чеди Даан) и шесть мужчин (Гриф Рифт, Вир Норин, Див Симбел, Гэн Атал, Соль Саин, Тор Лик). В целом их соотношение можно считать равным. Тем самым демонстрируется равное положение мужчин и женщин в трудовой сфере.

Начальником экспедиции является Фай Родис. При установлении контакта с правителями Торманса самый главный из них, Чойо Чагас,

воспринимает героиню в качестве правителя – как равную себе: «Теперь мы можем говорить вдвоем, как и подобает вершителям судеб. Пусть звездолет только песчинка в сравнении с планетой, психологически ответственность и полнота власти одна и та же», – говорит он ей [ЧБ, с. 129]. И это несмотря даже на то, что на Тормансе не принято, чтобы женщина занимала руководящие посты. Вероятно, большую роль сыграло восхищение, которое Фай Родис вызвала у Чойо Чагаса, о чем свидетельствуют следующие его слова: «Вы с вашей бездонной интуицией и мягкой симпатией кажетесь мне самой гениальной из всех виденных мною женщин. Я не говорю уже о знаниях, о психологическом могуществе и, наконец, о красоте, что также очень важно» [ЧБ, с. 272]. Одним из желаний главного правителя Торманса становится любовная связь с Фай Родис, в результате которой он бы хотел, чтобы она родила ему сына, который мог бы наследовать его власть. Он считает, что «здоровье», «совершенство тела и души» Фай Родис предадутся ребенку, благодаря чему их сын сможет стать самым выдающимся правителем планеты [ЧБ, с. 272]. Таким образом, хоть Чойо Чагас и воспринимает Фай Родис как равную себе, тем не менее, он продолжает видеть в ней прежде всего женщину.

В интервью, которое Ефремов дал после публикации романа, его спросили о том, почему начальником такой ответственной экспедиции он избрал именно женщину. Ответ писателя был таким: «Ведь задание у экспедиции весьма деликатное. И мне казалось, что для его успешного выполнения более всего подошла бы именно женщина. По природе своей женщина более тонка, участлива, мягка, она ближе стоит к природе, нежели мужчина. Нельзя было сбрасывать со счетов и эмоциональность женщины, ее обаяние, красоту. И этим она, конечно, сильнее мужчины. Я хотел показать, как эта сторона – женственность – более всего подействовала при непосредственных контактах с людьми другого мира. Кроме того, женщина по природе своей более жалостлива. И это тоже я учитывал, когда создавал образ Фай Родис» [Савченко, 1969, с. 314]. В данном высказывании Ефремов выделяет важные для него женские качества – тонкость, эмпатию, мягкость,

эмоциональность, обаяние, красоту, а также утверждает их необходимость при контакте с людьми иного общества.

Однако в словах писателя есть противоречие: экспедицию на планету Торманс едва ли можно назвать успешной. При этом именно женщинам-героиням пришлось нелегко. Так, Чеди Даан была избита группой молодых тормансиан, возглавляемых Шотшеком, которому Чеди отказала в сексуальной связи. А окруженная врагами Фай Родис в финале романа отдает приказ «Темному пламени» лететь домой, а сама фактически кончает жизнь самоубийством: «Она помнила о лихих хирургах Торманса, любителях оживления, и знала, что ей нельзя умереть обычным путем. Она повернула рукоятки СДФ на взрыв с оттяжкой в минуту, могучим усилием воли остановила свое сердце и рухнула на девятиножку» [ЧБ, с. 426].

Итак, автор демонстрирует гендерное равенство в трудовых отношениях. В романах представлены героини, задействованные в самых разных областях: история, биология, медицина, освоение космоса и т.д. В мире коммунистического будущего это очень значимые профессии. Кроме того, именно женщина становится начальницей важной космической экспедиции на другую планету, где требуется не только установить контакт, но и помочь обществу, где существуют угнетение и неравенство. Насколько успешно именно руководство женщины в этом деле по сравнению с руководством мужчины – вопрос интересный, однако он выходит за рамки нашего исследования.

2.1.2. Семья и брак

Долгий путь развития общества привел также к трансформации традиционных форм семьи и брака. Л. Геллер отмечал в романах Ефремова отсутствие института семьи и торжество свободной любви [Геллер, 1985, с. 340]. Действительно, в коммунистическом обществе будущего семья как социальный институт упразднена. В отношениях между мужчиной и женщиной провозглашена «этика свободы брака» [ЧБ, с. 294] – свободные

отношения без какой-либо формы юридического закрепления и законодательного регулирования.

Концепция семьи и брака отражена автором в описании взаимоотношений героев. Показательна здесь история героев «Туманности Андромеды» – историка Веды Конг и начальника звездной экспедиции Эрга Ноора. На момент действия романа Эрг Ноор находится в космической экспедиции. Герои вспоминают друг о друге – Эрг Ноор хранит два «стереопортрета» возлюбленной в каюте звездолета, а Веда Конг, зная о потери связи с участниками звездной экспедиции, верит в их возвращение и преданно ждет своего партнера. Однако во время космического путешествия Эрг Ноор знакомится ближе с молодым астронавигатором Низой Крит, а Веда Конг сближается с Даром Ветром. При этом они не вступают в близкие отношения. Более того, сам Дар Ветер, зная о близких отношениях Веды Конг с Эргом Ноором, не стремится ее завоевать, увести, он согласен на дружбу. Об этом свидетельствуют следующие его размышления: «Веда любит Эрга Ноора, члена Совета Звездоплавания начальника тридцать седьмой звездной экспедиции. <...> Вектор дружбы — вот все самое большое, что связывает ее с ним [Даром Ветром]» [ТА, с. 39]. Лишь при встрече Веда Конг и Эрг Ноор признают, что их пути разошлись, и только тогда начинают новые отношения. Вот как Веда Конг поясняет своей подруге сложившуюся ситуацию: «Эрг Ноор... наши пути разошлись давно. Только я не могла подчиниться новому чувству, пока он в космосе, не могла отдалиться и тем ослабить силу надежды, веры в его возвращение. Теперь это снова точный расчет и уверенность. Эрг Ноор все знает, но идет своим путем» [ТА, с. 193]. Так в произведении о далеком коммунистическом будущем реализуется и решается автором любовный конфликт.

Таким образом, для близких взаимоотношений мужчины и женщины важна общность устремлений, единое дело. Неслучайно герои сходятся в процессе объединяющей деятельности: Эрг Ноор и Низа Крит сближаются во

время экспедиции, а Дар Ветер обретает взаимность в любви, помогая Веде Конг в археологических раскопках.

Итак, концепцию брака и семьи в утопическом мире будущего можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, автор выступает за последовательную моногамию. В рамках данной формы брака состоящие в отношениях люди не имеют альтернативных партнеров, однако в дальнейшем они могут вступать в другие романтические отношения при условии завершения предыдущих. Во-вторых, отношения мужчин и женщин никак не регламентируются: взаимоотношениями героев управляет свободная любовь, а высокие моральные качества людей будущего позволяют им оставаться честными друг с другом. В-третьих, в связи с установлением полного равенства мужчин и женщин в коммунистическом обществе они равны и в сфере условно брачных отношений, то есть перед нами моногамия эгалитарного типа.

Кроме того, в мире далекого будущего новый тип семьи не предполагает наличие детей – они получают общественное воспитание в школах-интернатах. Таким образом, семейная ячейка сужается до союза двух людей. Интересен в данном вопросе следующий момент: в социальной структуре мира будущего существует остров Матерей, на котором живут женщины, не справившиеся с материнским инстинктом и не отдавшие ребенка на коллективное воспитание. При этом на острове Матерей, по всей видимости, не предполагается наличие мужчин-отцов – то есть в мире будущего нет места для традиционной семьи, состоящей из отца, матери и ребенка.

При разговоре о семье и браке хотелось бы отметить еще один важный аспект. Как известно, один из обязательных признаков семьи – это общий быт. В романе «Туманность Андромеды» отсутствует упоминание бытовых занятий – приготовление пищи, уборка, стирка и так далее. Однако в связи с появлением в мире будущего технологий, поддерживающих человека практически во всех областях его деятельности, можно говорить и об оптимизации быта. Следовательно, люди будущего – и женщины, и мужчины

– освобождены от бытовых забот. Вместо этого они полностью погружены в свою работу: проводят научные исследования и археологические раскопки, читают лекции, устанавливают контакты с другими планетами, отправляются с экспедицией в космос и т.д. Более того, в связи с тем, что в коммунистическом обществе отсутствует частная собственность, у людей будущего нет личных домов. Люди живут во временно свободных квартирах и постоянно меняют место жительства в зависимости от личной потребности. Интересно, что в романах нет упоминания, живут ли вместе состоящие в любовных отношениях мужчина и женщина.

Несмотря на отсутствие в мире будущего семьи как социального института, значимой ячейки общества, понятие семьи не исчезает – оно трансформируется. Теперь в качестве семьи воспринимается все общество: «На Земле тоже нет семьи в старинном ее понимании, но мы не уничтожили ее, а просто расширили до целого общества...» [ЧБ, с. 403]. Причем под семьей понимается не только общество Земли, а, по всей видимости, все галактическое содружество цивилизаций других планет, входящих в состав «Великого Кольца» – все они так или иначе приблизились к высшей форме развития общества – коммунистическому устройству общества. Цель экспедиции землян на Торманс – «обменяться достигнутым, изучить уроки ошибок, помочь в затруднениях, может быть, слиться в одну семью» [ЧБ, с. 130], то есть принять Торманс в состав «Великого Кольца» после «излечения» угнетенного общества. Восприятие общества как семьи напоминает сталинский миф о «большой семье» – имеется в виду представление о советском обществе как о семье, возглавляемой «отцом» Сталиным [Кларк, 2002, с. 102]. Однако в коммунистическом обществе Ефремова нет главы – все друг другу братья и сестры. Следовательно, форма семьи классифицируется как эгалитарная, в отличие от патриархальной семьи в сталинском мифе о «большой семье».

Таким образом, автор утверждает равноправие мужчин и женщин в семье и браке. Свободная любовь управляет отношениями мужчин и женщин

в условиях последовательной моногамии и равенства. При этом люди полностью освобождены от каких-либо бытовых забот. Семейную ячейку в мире будущего может составлять только пары мужчина-женщина и женщина-ребенок. Понятие семьи изменяется: в мире будущего семья – это коммунистическое содружество, где все люди друг другу братья и сестра.

2.1.3. Любовь и сексуальность

Любовь и сексуальность – важные категории в феминистской концепции писателя, отражающие особенности взаимоотношений женщин и мужчин будущего. В романах автор разделяет любовь и физическую страсть. Любовь, по мысли автора, заключается в совместном пути. При разговоре о семье и браке мы уже отмечали важность общности устремлений для близких взаимоотношений мужчины и женщины. Эта мысль четко проговаривается Фай Родис, являющейся, по словам Ефремова в интервью, носителем основных его мыслей [Савченко, 1969, с. 312]: «ибо любовь у нас только в совместном пути. Иначе это лишь физическая страсть, которая реализуется и проходит, исполнив свое назначение» [ЧБ, с. 256]. Иллюстрацией такой любви могут служить взаимоотношения «астронавигатора» Вира Норина и тормансианки Сю-Те. Герои вступают в интимные отношения: Вир Норин принимает «высшее для Торманса выражение любви и благодарности» [ЧБ, с. 401]. Если бы между ними была только физическая страсть, то после этого они бы разошлись – Вир Норин вернулся бы на Землю. Однако он решает остаться рядом с возлюбленной на Тормансе. Так решается любовный конфликт между героями. Приведенные слова Фай Родис и рассмотренный пример отражают уже проговоренный нами критерий, по которому разграничиваются любовь и физическая страсть.

Любовь характеризуется как «чувство всеобъемлющее и многогранное» [ЧБ, с. 313]. Автором отвергается мысль о том, что «любовь только страсть, а страсть только половое соединение» – именно такое понимание любви у людей на Тормансе [ЧБ, с. 313]. Оно находит отражение в языке: «Всего одно слово

для любви – для физического соединения, и еще десяток слов, считающихся бранью», – говорит Эвиза Танет Фай Родис [ЧБ, с. 343]. Такая же языковая недостаточность характерна и для описания красоты – возлюбленного или возлюбленной. В то время как на Земле существует огромное количество слов, описывающей любовное чувство: «Более пятисот, – ответила не задумываясь Родис, – триста – отмечающих оттенки страсти, и около полутора тысяч – описывающих человеческую красоту. А здесь, в книгах Торманса, я не нашла ничего, кроме убогих попыток описать, например, прекрасную любимую их бедным языком» [ЧБ, с. 343– 344].

Интересно, что любовь предполагает самопожертвование по отношению к возлюбленной или возлюбленному. Так, в «Туманности Андромеды», Низа Крит, влюбленная в Эрга Ноора, спасает его от опасного существа на неизвестной планете и получает опасную для жизни травму: «Тогда девушка, отчаявшись в своем умении управлять сложной машиной, прыгнула вперед, прикрывая собой начальника. Из трех оконечностей креста вылетели какие-то змеящиеся светлые струи или молнии. Девушка упала на Эрга Ноора, широко раскинув руки» [ТА, с. 95]. А в «Часе Быка» Вир Норин принимает решение остаться на Тормансе рядом с тормансианкой Сю-Те, отказавшейся покидать родную планету и лететь с ним на Землю. И это несмотря на то, что Фай Родис пророчит им всего лишь несколько месяцев счастливой совместной жизни: «Вы погибнете, но принесете большую пользу, а ей дадите сколько-то месяцев, вряд ли лет, счастья. Берегите себя! Она умрет, как только придет ваш конец» [ЧБ, с. 409]. Таким образом, любовь по мысли автора – это готовность отказаться от личных интересов или даже жизни ради спасения или счастья любимого человека.

При этом найти настоящую любовь сложно: «То великое соответствие всем стремлениям, вкусам, мечтам, что можно назвать любовью, и у нас на Земле не находится легко и просто», – так утверждает Эвиза Танет на лекции перед молодыми врачами Торманса в «Часе Быка» [ЧБ, с. 314]. Эту лекцию можно считать концентрированным выражением взглядов автора на проблему

не только любовных, но и сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. Одной из целей писателя было описание «эротических отношений далекого будущего» [ЧБ, с. 453].

Сексуальность человека в мире будущего не отрицается, а признается одним из необходимых условий полноценной жизни. Половой инстинкт рассматривается как потребность человеческого организма, требующая удовлетворения; подавление сексуального желания может привести к психологическим проблемам. Автор поясняет данную мысль через объяснение биохимии человека: «Биохимия человека такова, что требует постоянной alertности мозга на одну пятую часть его мощности, а это поддерживается лишь уровнем кетостеронов – гормонов пола в крови. За это человек расплачивается, выражаясь вашими словами, постоянной эротической остротой чувства. Если тормозить это чувство слишком долго, то возникают нервные надломы и психосдвиги, то внезапное и поработящее влечение к случайным партнерам, что в старину у нас звалось несчастной любовью» [ЧБ, с. 313]. Таким образом, автор одобряет проявления физической страсти – половую любовь.

Половая любовь по мысли автора – это не только «служение любимому человеку» (в случае любви) и «получение разрядки» (в случае физической страсти), но и «служение обществу, иногда даже подчиняясь требованиям генетических законов вопреки своим личным вкусам, если они расходятся с ними, при желании иметь детей» [ЧБ, с. 313–314]. То есть люди будущего могут пренебречь своими вкусами и вступить в половую связь с целью родить генетически более совершенного ребенка – улучшить наследственные качества человека. В данном случае, по мнению В.А. Ковалева, исследующего проблему эротики в творчестве Ефремова, речь идет о применении средств евгеники – человеческой селекции, идеи которой активно разрабатывались и распространялись в начале XX века [Ковалев, 2021, с. 106]. Более того, евгеника была одним из экспериментальных способов конструирования «нового человека» [Бугаева, 2022, с. 28].

В лекции Эвизы Танет в «Часе Быка» также упоминается, что в мире будущего практикуется начальное целенаправленное знакомство пар, чтобы они могли «стать парой надолго влюбленных» [ЧБ, с. 314]. Однако о том, как именно происходит отбор партнеров, ничего не сообщается. Можно предположить, что подбор пар для создания детей с учетом генетических особенностей мужчины и женщины осуществляется аналогичным образом.

В мире будущего обязательным элементом образования является сексуальное (или половое) воспитание – его получают и девушки, и юноши. Оно позволяет научиться «быть хозяином своего тела, не подавляя желаний и не подчиняясь им до распущенности» [ЧБ, с. 312]. Тем самым автор утверждает баланс между половым инстинктом и разумом – контролем себя. При этом юношей и девушек обучают «искусству Эроса» [ЧБ, с. 151] – управлению своей сексуальной энергией. Так, в «Часе Быка» Фай Родис, когда любовница правителя Торманса Чойо Чагаса Эр Во-Биа обвиняет ее в искусстве обольщения, отвечает следующее: «Если вы подразумеваете умение вести себя и нравиться мужчинам в восхитительной игре взаимного влечения – то с детства. Каждая женщина Земли умеет подчеркивать в себе то, что оригинально, интересно, красиво. Мне кажется, что “обольщение”, о котором думаете вы, – нечто иное» [ЧБ, с. 272]. Подчеркивать то, что оригинально, помогает женщинам земли одежда – ее описанию в романах уделяется особое внимание.

Кроме того, в романах автор говорит о неуправляемой половой страсти. К ней он высказывает негативное отношение, причем, считает ее свойственной лишь мужчинам. В «Часе Быка» гомеровский сюжет о Цирцее, считающейся колдуньей и коварной обольстительницей, интерпретируется Фай Родис таким образом, что половой инстинкт может возвысить мужчин до богини или низвести до уровня свиней: «Красота и желание женщин вызывают свинство лишь в психике тех, кто не поднялся в своих сексуальных чувствах выше животного. Женщины в прежние времена лишь очень редко понимали пути борьбы с сексуальной дикостью мужчины, и те, кто это знал, считались

Цирцеями. Встреча с Цирцеей была пробным камнем для всякого мужчины, чтобы узнать, человек ли он в Эросе», – дополняет свою мысль Фай Родис [ЧБ, с. 151]. На примере Торманса автор осуждает примитивное сексуальное желание. В условиях патриархально общества молодые тормансианки подвержены нападениям и насилию со стороны мужчин: «Для молодых – и особенно красивых – девушек прогулки по столице Ян-Ях в вечерние часы были опасны, не говоря уже о ночи, когда и сильные мужчины не появлялись на улице без крайней надобности. Женщины подвергались оскорблениям или нападениям преимущественно со стороны одержимых половым психозом юнцов. Красота, вместо того чтобы быть защитой, только сильнее привлекала молодых бандитов, как хищников привлекает запах крови» [ЧБ, с. 282]. Женщины, по мнению автора, не должны подвергаться сексуальной объективации. Кроме того, неуправляемая половая страсть является свидетельством гендерного неравенства, угнетенного положения женщин.

Одна из важных тем романа – это эротика. Так, А.В. Ковалев отмечал, что герои и героини Ефремова «не стесняются наготы, постоянно подчеркивают и обсуждают гармонию и красоту человеческого тела, особенно женского» [Ковалев, 2021, с. 86]. Описывая эротические отношения далекого будущего, Ефремов, по его словам, ставил перед собой цель воплотить «различные эротические оттенки, которые вызывают лишь чувство соприкосновения с чем-то прекрасным» [Савченко, 1969, с. 315]. Так, по мнению писателя, «абсолютно нагое женское тело – прекрасное, совершенное – выглядит куда более скромно, чем кокетливо прикрытое в определенных местах» [Там же, с. 315].

Данная мысль находит отражение в конфликтном противопоставлении коммунистической Земли и капиталистического Торманса. Так, для землян эротическая открытость является нормой: «на Земле в наготе, в естественном виде человека, никто не находил ничего особенного, ничего возбуждающего во всяком случае, тем более постыдного» [ЧБ, с. 290]. В романе описывается танец нагой Оллы Дез перед многочисленными зрителями с Торманса:

«Отвечая ей, в глубине импровизированной сцены, разделенной на две половины – черную и белую, – появилась нагая Олла Дез. Легкий шум послышался из зала дворца Цоам, заглушенный высокими и резкими аккордами, которым золотистое тело Оллы отвечало в непрерывном токе движения. Менялась мелодия, становясь почти грозной, и танцовщица оказывалась на черной половине сцены, а затем продолжала танец на фоне серебристой белой ткани. Поразительная гармоничность, полное, немислимо высокое соответствие танца и музыки, ритма и игры света и тени захватывало, словно вело на край пропасти, где должен оборваться невозможно прекрасный сон» [ЧБ, с. 182]. По словам Ефремова, в данном отрывке он «попытался воспеть нечто прекрасное» [Савченко, 1969, с. 316].

Изучая Торманс, земляне замечают следующее: «Труднее поддавались объяснению зрелища иного характера, в которых красивые женщины частично обнажались, совершая эротические движения и замирая в объятиях мужчин в откровенных до отвращения позах. При этом земляне ни разу не видели полной наготы или чистой открытости Эроса, столь обычных на родной планете. Здесь обязательно что-то оставалось скрытым, искажалось, пряталось, намекая на некие запретные или тайные качества, вероятно, с целью возбудить слабое воображение или придать особый вкус надоевшим и утратившим интерес отношениям полов» [ЧБ, с. 69]. Тем самым автор предполагает в человеке будущего эротическую открытость и торжество телесности, которые являются выражением прекрасного – красоты.

Наиболее полно концепция красоты изложена в романах «Лезвие Бритвы» (1963) и «Таис Афинская» (1973), в которых писатель отводит большое количество страниц описаниям красоты женского тела. Так, например, в «Лезвии бритвы» главный герой романа, Иван Гириин, врач по профессии, читает лекцию на тему красоты с точки зрения биологии, говорит об анатомической целесообразности человеческого тела. При этом большую часть своей лекции он посвящает женской красоте (например: «Женщина по своей древней природе – страж, а ее длинная шея дает большую гибкость,

быстроту движений головы, – снова эстетическое чувство совпадает с целесообразностью» [Ефремов, 1988, с. 582]; «И что бы там ни говорили законодатели мод и выдумщики всяческих оригинальностей, когда вам, художникам, надо написать образ женщины-обольстительницы, покорительницы мужчин, в серьезном или шутовском, бидstrupовском, оформлении, – кого же вы рисуете, как не крутобедрую, высокогрудую женщину с осиной талией?» [Там же, с. 584] и др.). В романе «Таис Афинская» интересен разговор двух скульпторов, Лисиппа и Клеофрада, о красоте Таис и ее подруги Эрис, а в целом о женской красоте. Лисипп обращает внимание присутствующих при этом разговоре учеников на рост, талию, бедра, мышцы живота Таис и Эрис: «Имейте это перед собой, когда создаете образ прекрасный, здоровый и гармоничный, сильный без грубости, какими и надлежит быть дочерям Эллады. И не только Эллады – всей Ойкумены!», – говорит скульптор ученикам [Ефремов, 1989, с. 321]. Клеофрад дополняет слова Лисиппа обращая внимание на грудь девушек: «Но он забыл об очень важной черте красоты – у обеих груди расположены высоко, широкочашные и более округлы» [Там же, с. 322]. Интересно, что такого большого внимания красоте мужского тела Ефремов не уделяет, что объясняется тем, что мы имеем дело с мужским взглядом: «прекрасное всегда более законченно в женщине», – так говорит художник Карт Сан в «Туманности Андромеды» [ТА, с. 157].

Итак, подведем итоги. Любовь по мысли автора – самая высшая форма взаимоотношений между мужчиной и женщиной, предполагающая единство жизненного пути, а не только сексуальные отношения. Любящие люди готовы жертвовать собой и своими интересами ради друг друга. По иерархии на ступень ниже любви находится физическая страсть – она нужна для удовлетворения людьми сексуальной потребности – «получения разрядки». Далее следует сексуальная связь с целью рождения ребенка – более генетически совершенного. На самом низком уровне находится неуправляемое сексуальное влечение. Автор выступает сторонником полового воспитания, позволяющего не столько управлять половым инстинктом, сколько

контролировать самого себя, а также эротической открытости и телесности – именно для женщины.

2.1.4. Материнство и воспитание детей

Материнство в мире будущего становится социально значимым и представлено в романах как «общественная обязанность» женщин [Комиссаров, 2017, с. 81]. Общественный долг каждой женщины – родить двух детей. Так, Эвда Наль говорит, что уже выполнила этот долг: «Я выполнила долг каждой женщины с нормальным развитием и наследственностью – два ребенка, не меньше» [ТА, с. 194]. При этом женщины рожают детей не для себя, а для общества: «<...> каждая мать рождает ребенка не для себя и не как неизбежную расплату за минуты страсти, а драгоценным подарком кладет его на протянутые руки всего общества» [ЧБ, с. 295].

В мире будущего дети с самого раннего детства находятся в школах-интернатах, где они не только живут и учатся, но и получают общественное воспитание. Цель воспитания – создание достойного члена коммунистического общества, по формулировке Емельянова И.С., «человека, осознающего свою ответственность за окружающую среду обитания в самом широком смысле» [Емельянов, 2017]. Обучение в этих школах осуществляется учителями – «специально отобранными и обученными людьми» [ТА, с. 279]. Ученики разделены на четыре «возрастных цикла», которые располагаются в различных местах, так как «совместная жизнь разных возрастных групп мешает воспитанию и раздражает самих учащихся» [ТА, с. 196]. Ученики, таким образом, группируются по возрасту. Раздельное обучение отсутствует: мальчики и девочки обучаются вместе. Таким образом, дети не находятся рядом со своими матерями, не воспитываются ими. Иллюстративна здесь дискуссия между Низой Крит и Ведой Конг. Низа Крит волнуется, что ей в будущем трудно будет разлучиться с «маленьким, родным существом», на что Веда Конг ей отвечает следующее: «Одна из величайших задач человечества – это победа над слепым материнским инстинктом. Понимание, что только

коллективное воспитание детей специально отобранными и обученными людьми может создать человека нашего общества. Теперь нет почти безумной, как в древности, материнской любви. Каждая мать знает, что весь мир ласков к ее ребенку. Вот и исчезла инстинктивная любовь волчицы, возникшая из животного страха за свое детище» [ТА, с. 279]. Интересно, что матери все же поддерживают контакт со своими детьми. Так, Эвда Наль навещает свою семнадцатилетнюю дочь Рею в «школе третьего цикла», интересуется ее делами и успехами в обучении [ТА, с. 193].

Кроме того, несмотря на то, что в романе утверждается необходимость победы над материнским инстинктом и важность общественного воспитания детей, в мире далекого будущего все же предполагается, что этот инстинкт не будет преодолен окончательно. Мы уже упоминали, что в структуре коммунистического общества есть место для женщин, которые предпочитают оставить ребенка и заниматься его воспитанием. Об этом месте в «Гуманности Андромеды» Веда Конг сообщает Низе Крит: «Есть остров матерей — Ява. Там живут все, кто хочет сам воспитывать своего ребенка» [ТА, с. 280]. Однако в романе упоминается и другой остров — остров Забвения. Это место для преступников, а также дом для тех, кто желает жить, как в прежние времена. Следовательно, и остров Матерей, и остров Забвения — это места для изгнанников, людей, выключенных из общества. Женщины с детьми становятся фактически преступницами — они не преодолели материнский инстинкт, не положили ребенка «на протянутые руки всего общества», по сути, проявили эгоизм, который не вызывает одобрения в коммунистическом обществе.

Кроме того, в обществе будущего осуществляется демографический контроль, который способствует поддержанию «соответствия между количеством населения и ресурсами» [ЧБ, с. 191]. Согласие женщин ограничить деторождение также рассматривается автором как победа разума над материнским инстинктом. Так, Эвиза Танет осуждает женщин Торманса, выступивших против контроля деторождения и не пожелавших считаться с

потребностями общества: «Когда женщинам Торманса три века назад предложили ограничить деторождение, они расценили это как посягательство на священнейшие права человека. Какие права? Не права, а обычные инстинкты, свойственные всем животным, инстинкты, идущие вразрез с нуждами общества» [ЧБ, с. 245].

Выдвигая идею контроля рождаемости, автор, следовательно, не осуждает способы ограничения рождаемости – противозачаточные средства и аборты. Однако неизвестно, используются ли именно эти методы в мире будущего, вполне возможно, люди уже могли придумать что-то другое.

Описывая угнетенное общество Торманса, автор обращает внимание на противоположную тенденцию – повышение рождаемости путем запрета контрацептивных средств и абортов: «Все время шла глухая борьба между женщинами, не желавшими рожать, и государством, запрещающим противозачаточные средства и аборты. Чтобы поднять падавшую рождаемость, недавно владыки удостоили матерей некоторыми привилегиями. Дело в том, что создалась угроза уменьшения численности людей, настолько осязаемая, что владык это стало беспокоить: покорные толпы – опора олигархии» [ЧБ, с. 289]. Такое решение правители Торманса принимают в условиях нехватки ресурсов. В данном примере видится аллюзия на советскую действительность 1930-х годов, когда политика государства в связи с демографическим кризисом в стране взяла курс на поддержание материнства и использовала именно данный метод повышения уровня рождаемости (см. параграф 1.2., с. 28).

Интересно, что несмотря на утилитарное отношение к материнству, в «Туманности Андромеды» звучит идея иного рода. Низа Крит высказывает следующую мысль: «Мне кажется, лучший подарок, какой женщина может сделать любимому, – это создать его заново и тем продлить существование своего героя. Ведь это почти бессмертие!» [ТА, с. 279]. Тем самым выдвигается идея вполне философского характера о рождении как обретении бессмертия.

Таким образом, автор не снимает с женщин репродуктивной функции, но при этом поднимает эту функцию на социальный уровень, утверждая необходимость преодоления материнского инстинкта. Общественное воспитание в мире будущего становится особо значимым, так как обеспечивает формирование ребенка как будущего члена коммунистического общества. Кроме того, писатель выступает за контроль рождаемости и использование средств, позволяющих осуществлять этот контроль.

2.1.5. Образ женщины будущего

Образ женщины будущего в представлении автора – это образ идеальной и совершенной женщины. Героини обладают красотой и физическим совершенством. В «Часе Быка» на Тормансе земные женщины вызывают восхищение. Тормансиане видят их следующим образом: «Женщины – все с чеканно правильными мелкими чертами, идеально прямыми носами, твердыми подбородками, густоволосые и крепкие» [Ефремов, 1989, с. 188]. Владыка Торманса Чойо Чагас, очарованный красотой Фай Родис, спрашивает о том, все ли женщины так прекрасны на Земле, на что Фай Родис отвечает: «Я самая обыкновенная» [Там же, с. 162].

Красота и физическое совершенство – это результат не только эволюции человека, но и искусственной селекции, о которой мы уже упоминали. Герои «Часа Быка» описываются как еще более физически совершенные, чем герои «Туманности Андромеды». Несколько сотен лет не прошло бесследно для эволюции человека. Так, в «Часе Быка» социолог Чеди Даан, сравнивая Веду Конг (героиню «Туманности Андромеды») и Фай Родис, размышляет в целом о пути селекции человека: «Широта выбора генетических сочетаний обеспечивала бесконечность жизни без вырождения, то есть беспредельное восхождение человечества. <...> К Эре Великого Кольца тип человека Земли стал более совершенным, заменив многоликие типы Эры Общего Труда. До конца этой Эры люди разделялись на две главные категории: неандерталоидную – крепкую, с массивными костями грубоватого сложения,

и кроманьонидную – с более тонким скелетом, высоким ростом, более хрупкую психически и тонкую в чувствах. Дело генетиков было взять от каждой лучшее, слив их в одно, что и сделали на протяжении ЭВК. А к ЭВР чистота облика стала еще лучше выражена, как это видела Чеди, сравнивая аскетическую твердость как бы вырезанного из камня лица Фай Родис с мягким обликом Веды Конг. <...> Фай Родис отражала еще одну ступень повышения энергии и универсальности человека, сознательно вырабатываемой в обществе, избегающем гибельной специализации. Фай Родис во всем казалась плотнее, тверже женщины ЭВК – и очертаниями сильного тела с крепким скелетом, и посадкой головы на высокой, но не тонкой шее, и непреклонным взглядом глаз, расставленных шире, чем у Веды, и соответственно большей шириной лба и подбородка» [Там же, с. 168]. Исходя из описания Фай Родис можно подумать, что ее внешность приобрела мужеподобные черты, однако, по ходу романа становится ясно, что, наоборот, все женское стало в ней еще более выраженным и совершенным.

Женщины будущего гибкие и спортивные. Прилагательное «гибкий» присутствует в описании внешности Эвды Наль («Ее высокая гибкая фигура выделялась среди остальных белизной кожи, еще не загоревшей» [ТА, с. 122]), Чары Нанди («И тот час ее гибкое тело словно расцвело» [ТА, с. 128]) и Неи Холли, участвующей в экспедиции на Торманс («... суровая смелость выражалась во всей ее гибкой фигуре» [ЧБ, с. 15]). Героини так или иначе связаны со спортом – проявляют физическую активность. Так, в «Туманности Андромеды» описываются танцевальные номера Веды Конг и Чары Нанди. Безусловно, для подготовки танцев важно не только иметь физическую подготовку, но и регулярно тренироваться. Кроме того, в романе есть героиня, которая в свободное время любит плавать – это помощница Веды Конг Миико Эйгаро. В «Часе Быка» также есть описание танцев – Оллы Дез, а также Фай Родис и Эвизы Танет. Подробнее о танцах мы поговорим в пункте, посвященном связи женщин будущего с искусством. В рамках же данного

разговора важно то, что женщина будущего является гибкой, спортивной и физически активной.

Особое внимание автор уделяет описанию одежды женщин будущего. Героини носят одежду женского типа. Тем самым подчеркивается женственность героинь. Так, гардероб Веды Конг – это юбки и платья. При первом появлении в романе на ней надета «широкая и короткая юбка, расшитая голубыми цветами» [ТА, с. 44]. Героини романов также используют наряды разных эпох и разных культур. Веда Конг для записи обращения к жителям далекой планеты надевает наряд, «изобретенный тысячи лет назад, в эпоху критской культуры» [ТА, с. 44]. А Фай Родис в «Часе Быка» облачается в «одежду индийской женщины – сари» [Ефремов, 1989, с. 265]. Носят женщины также бижутерию: так, дочь Эвды Наль носит «ожерелье красного коралла» [ТА, с. 203], а Фай Родис в «Часе Быка», облачаясь в сари, надевает «звенящие браслеты» на запястья и щиколотки [ЧБ, с. 265]. Интересно, что женщины будущего обладают сравнительно большим эстетическим вкусом в одежде, чем мужчины. Так, в «Часе Быка» говорится следующее: «Мужчины хотели было надеть одинаковые серые скафандры, но, подчиняясь настояниям женщин, выбрали себе металлическую броню более красивых цветовых сочетаний» [ЧБ, с. 95]. Если говорить о прическах, на которые Ефремов также обращает внимание, то у героинь они совершенно разные – так, Низа Крит имеет коротко остриженные рыжие кудри, а Веда Конг носит длинные и тугие пепельного цвета косы. Кроме того, женщины будущего, да и люди будущего в целом, имеют возможность по желанию вносить некоторые коррективы в свою внешность. Так, земляне перед высадкой на Торманс делают себе «лучистые глаза», а Фай Родис, облачаясь в сари, меняет цвет кожи – усиливает «пигментацию своей кожи до оттенка золотисто– коричневого плода тинги» [ЧБ, с. 265].

Теперь важно отметить черты характера женщины будущего. В связи с установлением равенства полов героини представлены как полностью независимые и свободные люди. В «Часе Быка» лексическими средствами

(наречия «независимо», «свободно») подчеркивается это положение земных женщин, неизбежно отразившееся в их характере и поведении – инженер Таэль видит Фай Родис следующим образом: «Она стояла независимо и свободно, что было немислимо для женщины Ян-Ях» [ЧБ, с. 163]. О независимости и свободе женщины будущего свидетельствует также следующий конфликт: при самом первом контакте правители Торманса отказываются принимать на своей планете землян, проделавших далекий путь с целью помочь «прямым родственникам» [ЧБ, с. 80]. Чтобы решить возникшую проблему, Фай Родис идет на обман, демонстрирует правителям Торманса, что связывается с Советом Звездоплавания, показывая им отрывок из хроники, и сообщает, что получила разрешение на любые действия – это не только заставляет правителей Торманса изменить свое решение, но и вызывает неодобрение у половины участников экспедиции. Фай Родис, таким образом, действует свободно и независимо – самостоятельно принимает решение, поступает так, как считает необходимым.

Кроме того, женщины будущего активны и деятельны – наравне с мужчинами занимаются наукой, исследуют космос и др. Они совершенно самостоятельны, не зависят ни от мужчин, ни от детей – состоят в равных партнерских отношениях с мужчиной, а дети живут и воспитываются в школах. Так, Чара Нанди акцентирует внимание на своей независимости от мужчины: «Разве я настолько древняя женщина, чтобы строить планы жизни в зависимости от дел мужчины, пусть избранного мной?», – спрашивает она [ТА, с. 227].

Именно в образе Фай Родис проговариваются такие качества женщины будущего (а в целом и человека будущего), как прямота, открытость, смелость, душевное равновесие и спокойствие, внутренняя воля, душевная расположенность к людям: «Фай Родис, несмотря на маску магарани, оставалась той же прямой, открытой и бесстрашной женщиной, которая поразила владыку с первой встречи. В ее внутреннем мире, очевидно, господствовали равновесие и умение быстро восстановить в себе покой.

Качества, возможные лишь при избытке психологической крепости и воли. Именно потому, по контрасту с ущербной психикой Ян-Ях, эти ее блестящие человеческие качества – полное отсутствие неприязни, подозрительности или самодовольства – все же не притягивали к ней тормансиан» [ЧБ, с. 269].

Таким образом, образ женщины будущего – это образ красивой, физически совершенной и развитой, независимой, деятельной, свободной и самостоятельной женщины. Автором подчеркивается женственность и эстетическое чувство женщины будущего через описание одежды, которую выбирает для себя героиня. Главные внутренние качества женщин будущего – открытость, смелость, спокойствие и расположенность к другим людям.

2.1.6. Женщины и искусство

В коммунистическом будущем продолжает существовать такая сфера человеческой деятельности, как искусство. Искусство так или иначе присутствует во многих литературных моделях будущего. Так, в антиутопии Е. Замятина «Мы» искусство трансформируется, становится рациональным и механистичным [Хатямова, 2006, с. 16]. Теме искусства (прежде всего художественного) в моделях будущего посвящены работы А.В. Щербитко [Щербитко, 2011], С.А. Ковалевой [Ковалева, 2022].

В романах Ефремова описывается танцевальное, вокальное, изобразительное искусство, упоминается актерское искусство. При этом способностью к искусству обладают в основном женщины. Так, Чара Нанди выступает с танцем, вызывающим у всех восхищение; Веда Конг играет для детского фильма северную королеву Темных веков; Чара и Веда вместе поют «новую, только что пришедшую из южной зоны песню о несбывшейся мечте» [ТА, с. 163]; Олла Дез, Фай Родис и Эвда Наль танцуют перед тормансианами. Кроме того, Фай Родис, размышляя во дворце правителя Торманса Чойо Чагаса о спасении Торманса из «инферно» – губительного для человека состояния общества – рисует картину, символизирующую это спасение: «... [Фай Родис] снова взялась за картину, набрасывая фигуру сильной, знающей женщины,

символизирующей Меру. Женщина склонилась к людям с протянутой рукой, готовая рывком поднять наверх первого, кто дотянется к ней» [ЧБ, с. 280].

Женщины представлены как более артистичные натуры по сравнению с мужчинами: «Женщины Земли, прирожденные артистки, любили играть в перевоплощение. Меняя обличье, они перестраивали себя соответственно принятому образу. Во время пути на звездолете Олла Дез перевоплощалась в маркизу конца феодальной эры, Нея Холли становилась шальной девчонкой ЭРМ, а Тивиса Хенако – гейшей древней Японии. Мужчин это занимало меньше – из-за бедности воображения и чисто мужской нелюбви к отработке подробностей» [ЧБ, с. 265]. Кроме того, это же различие отражают праздники, проводимые на Земле будущего. Весной проводится праздник женщин – праздник Пламенных Чаш, когда «самые прелестные женщины Земли показывались в танцах, песнях, гимнастических упражнениях» [ТА, с. 188]. К слову, именно на этом празднике выступает Чара Нанди. Однако такого же мужского праздника нет – мужской праздник Геркулеса, на котором «вступившие в зрелость юноши отчитывались в совершенных ими подвигах Геркулеса», уже давно стал общим – «мужским и женским» – «вошло в обычай в эти дни проводить всенародные смотры совершенных за год замечательных поступков и достижений» [ТА, с. 188]. Женщины будущего по сравнению с мужчинами изображаются наиболее талантливыми и приближенными к искусству.

Впрочем, в «Туманности Андромеды» упоминается мужчина – художник Карт Сан. Интересно, однако, что он рисует исключительно женщин – у него уже готова картина «Дочь Гондваны», он работает над «Дочерью Средиземного моря» (натурой служит Чара Нанди), планирует написать изображение «золотоволосой или светло–русой северной женщины» [Там же, с. 159], а затем создать образ современной женщины, в котором планирует соединить лучшее от всех трех предыдущих. Когда Веда Конг интересуется, почему он изображает «дочерей», а не «сыновей», он отвечает следующее: «Надо ли пояснять, что прекрасное всегда более законченно в женщине...»

[Там же, с. 162]. Пожалуй, именно эта фраза служит ключом к ответу на вопрос о том, почему именно женщина оказывается не только деятелем искусства, но и моделью для создания произведения искусства.

Искусство по мысли писателя – это выражение прекрасного, красоты. В интервью Ефремов, размышляя о художниках античности и об отсутствии «пресловутого секса» в их произведениях, говорит следующее: «Да потому, что искусство творили подлинные художники, настоящие мастера. Они воплотили в своих бессмертных произведениях различные эротические оттенки, которые вызывают у зрителя лишь чувство соприкосновения с чем-то прекрасным» [Савченко, 1969, с. 315]. Такого же эффекта писатель пытался добиться в процессе написания «Часа Быка» [ЧБ, с. 454]. Следовательно, для писателя «подлинные художники», настоящие мастера» должны стремиться к выражению прекрасного в своих произведениях. Эта мысль отражена в творчестве писателя, которое, по наблюдениям Е.К. Агапитовой, характеризуется «философским единством»: основные идеи сохраняются и переходят из романа в роман [Агапитова, 2017]. То же самое можно сказать и об авторской концепции искусства. О том, что в искусстве должна выражаться красота, говорит в «Туманности Андромеды» художник Карт Сан: «Искусство, по-моему, – отражение борьбы и тревог мира в чувствах людей, иногда иллюстрация жизни, но под контролем общей целесообразности. Эта целесообразность и есть красота, без которой я не вижу счастья и смысла жизни» [ТА, с. 158].

Отметим, что такая метафизическая трактовка искусства была изложена еще в раннем рассказе писателя «Эллинский секрет». Центральный герой рассказа через сновидение, в галлюцинациях, видит секрет мастеров Древней Эллады, создает скульптуру возлюбленной им девушки, которая воспринимается другим героем следующим образом: «я увидел в ней то самое высшее совершенство целесообразности, что все вы назовете красотой, в которую любовь автора вложила радостное и легкое движение. Словом, от статуи не хотелось уходить. Долго еще перед глазами стояла эта изумительно

прекрасная женщина как доказательство всей силы власти Формы – тонкого счастья красоты, общего для всех людей» [Ефремов, 1986, с. 62]. Истоки именно такого понимания назначения искусства – выражение красоты – лежат в работах античных классиков Греции. Их взгляды на красоту послужили основой для концепции писателя – отдельная исследовательская работа по этому вопросу написана А.В. Хатнюком [Хатнюк, 2020].

В целом авторская концепция красоты изложена в романе «Лезвие бритвы». Пожалуй, главой мыслью автора в этом романе, значимой для рассматриваемых нами произведений о будущем, является следующее высказывание: «...красота – это правильная линия в единстве и борьбе противоположностей, та самая середина между двумя сторонами всякого явления, всякой вещи, которую видели еще древние греки и называли аристон – наилучшим, считая синонимом этого слова меру, точнее – чувство меры. Я представляю себе эту меру чем-то крайне тонким – лезвием бритвы...» [Ефремов, 1988, с. 632]. Данная мысль повторяется и уточняется в романе: «Вот мы и разобрали вторую главную ступень красоты – гармоническое разрешение, казалось бы, губительных противоречий, разрешение, доведенное до той единственной совершенной возможности, которая, как лезвие бритвы, как острие стрелки, качается между противоположностями» [Там же, с. 698]. Таким образом, красота трактуется как тонкая грань между двумя противоположностями.

Авторскую концепцию искусства и красоты иллюстрирует танец Чары Нанди на празднике Пламенных Чаш. Танец описывается развернуто и детально (например: «Красные волны света обнимали ее медное тело, обдавали алыми всплесками сильные ноги, тонули в темных извивах ткани, зарей розовели на белом шелке. Ее закинутые назад руки медленно замирали над головой» [ТА, с. 192]) и передается через восприятие Мвена Маса, Веды Конг и Эвды Наль. Так, Мвен Мас именно в момент выступления Чары Нанди замечает в ней ее сходство с девушкой с планеты Эпсилон Тукана – более совершенной и прекрасной: «Мвен Мас понял, что в необъятном богатстве

красоты земного человечества могут оказаться цветы, столь же прекрасные, как и бережно лелеемое им видение далекой планеты» [ТА, с. 190]. А Веда Конг обращает внимание на единство противоположностей в танце Чары: «Веда следила за каждым жестом Чары и думала, что в ее движениях есть удивительная двойственность: они одновременно нежные и хищные. Нежность – от плавности движений и невероятной гибкости тела, а хищное впечатление исходит от резких переходов, поворотов и остановок, происходящих с почти неуловимой быстротой хищного зверя» [ТА, с. 191]. После выступления Чары Веда Конг соглашается с мыслью Карта Сана о важности выражения красоты в искусстве: «Я теперь поняла Карта Сана, что красота в самом деле важнее, чем нам кажется» [ТА, с. 192].

В «Часе Быка» также детально описывается танец Оллы Дез перед тормансианами. Однако тормансиане не способны воспринять выступление как выражение прекрасного, ими в первую очередь управляют инстинкты: «Есть нечто нечеловеческое, недопустимое в такой открытости и силе чувств. И опасное – оттого, что эта женщина столь непозволительно хороша» [ЧБ, с. 183]. При этом противопоставляется не только восприятие танца тормансианами земному пониманию искусства. В романе присутствует описание танцевального номера тормансиан, представленного землянам и отражающем власть мужчины над женщиной: «Они исполнили очень сложный, в резких поворотах и кружениях акробатический танец, отражавший взаимную борьбу мужчины и женщины. Танцовщица была в короткой одежде из едва соединенных нитями узких красных лент. Тяжелые браслеты оковами стягивали левую руку. Высоко на шее сверкало ожерелье, похожее на ошейник. Женщина падала, цепляясь за партнера, и простиралась на полу перед ним. В позе красивой и бессильной она лежала на боку, струной вытянув руку и ногу и подняв умоляющий взгляд. Покорно отдавая партнеру другую руку, она подгибала колено, готовая подняться по его желанию, – открытое олицетворение власти мужчины, ничтожества и в то же время опасной силы женщины» [ЧБ, с. 181]. В то же время на Земле доминируют сильные

выступления женщин (хотя парные танцы также практикуются): «Только женщины способны передать своим телом все волнения, томления и желания, обуревающие человека в его поисках прекрасного. Отошли в прошлое все драмы соперничества, уязвленного самолюбия, порабощения женщины», – сообщает Фай Родис владыкам Торманса [ЧБ, с. 182]. Таким образом, только женщины способны в полной мере передавать в искусстве прекрасное, поскольку сами являются воплощением прекрасного – именно этим объясняется тесная связь женщин будущего с искусством.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что одна из важных идей в феминистической концепции Ефремова – это возвышение женщин над мужчинами в искусстве. Представление писателя о женщине связаны с его пониманием красоты и назначения искусства. Именно в женщине, по мысли писателя, заключено все прекрасное, следовательно, именно ей нужно создавать искусство, призванное выражать красоту, или же служить моделью.

2.1.7. Патриархальные отношения

Автор в романах о коммунистическом будущем, выступая за равноправие полов, осуждает какую-либо форму проявления власти мужчины над женщиной – то есть патриархальные отношения. Примеры патриархальности и угнетенного положения женщин присутствуют в рассуждениях о прошлом, в действительности мира коммунистического будущего, в описании тяжелой ситуации неустроенного общества на Тормансе.

Историческое прошлое неустроенного и общества Земли противопоставляется коммунистическому будущему, в котором торжествуют справедливость и равенство. Так, Дар Ветер участвует во вскрытии кургана скифов, где они находят следующее: «Внутри сохранившегося деревянного сруба находился скелет старика вождя, окруженный костяками лошадей и рабов, прикрытых краем курганной насыпи. Старый вождь лежал с мечом, щитом и панцирем, а в его ногах оказался скрюченный скелет совсем юной женщины. К костяным чертам ее черепа прилегал шелковый платок, когда– то

туго обмотанный вокруг лица. <...> Платок передавал еще одну страшную подробность – отпечаток вылезших из орбит глаз женщины, несомненно задушенной этим платком и брошенной в могилу своего мужа, чтобы сопровождать его в неведомых путях загробного мира» [ТА, с. 103]. То, что останки женщины лежат в ногах скелета мужчины, уже говорит об установленном в это время половом неравенстве. О смерти этой женщины затем разгораются дискуссии – добровольно или насильственно она пошла на смерть вслед за мужем. Пытаясь осмыслить этот дискуссионный вопрос, Дар Ветер размышляет о положении женщин в древности: «Женщины, особенно красивые, в древности являлись добычей и игрушками сильного. Им нельзя было существовать без власти и защиты мужчины. <...> Собственные стремления и воля женщины значили так мало, нестерпимо мало, что перед лицом той жизни... кто знает... Может быть, смерть казалась более легкой участью...» [ТА, с. 104]. Так патриархальные отношения противопоставляются установленному в мире коммунистического будущего половому равенству, где женщина полностью независима от мужчины и не нуждается в его защите.

Интересны также размышления Фай Родис: она рассуждает не только о положении женщин прошлого, но и об их качествах – самоотверженности, терпении, кротости и доброте. Эти качества, по мысли Фай Родис, только усугубляли половое неравенство и проблемы неустроенного общества: «... благодаря этой самоотверженности, терпению и доброте распускались пышные цветы зла из робких бутонов начальной несдержанности и безволия. Более того, терпение и кротость женщин помогали мужчинам сносить тиранию и несправедливость общественного устройства. Унижаясь и холуйствуя перед вышестоящими, они потом вымещали свой позор на своей семье. Самые деспотические режимы подолгу существовали там, где женщины были наиболее угнетены и безответны: в мусульманских странах древнего мира, в Китае и Африке. Везде, где женщины были превращены в рабочую скотину, воспитанные ими дети оказывались невежественными и

отсталыми дикарями» [ЧБ, с. 160]. Так автором устанавливается связь между угнетенным положением женщин и отсталостью общества в целом. Установление равного положения мужчин и женщин – это одно из условий построения коммунистического общества.

Однако насилие со стороны мужчины по отношению к женщине присутствует и в условиях коммунистического общества. С подобным насилием сталкивается Мвен Мас на острове Забвения. Данный эпизод В.В. Комиссаров характеризует как «конфликт на гендерной основе» [Комиссаров, 2017, с. 75]. Бывший математик, Бет Лон, изгнанный на остров за неудачный эксперимент, в ходе которого пропали люди, преследует молодую девушку по имени Онар: «По дороге девушка, временами тревожно оглядываясь, рассказала [Мвену Масу], что этот человек преследует ее повсюду» [ТА, с. 235]. Затем Бет Лон нападает на Мвена Маса и Онар, но Мвену удается защитить девушку. Об этом случае Мвен Мас размышляет следующим образом: «... если человек не подчиняется авторитету общества, направленного к мудрости и добру, а руководится своим случайным честолюбием и личными страстями, мужество обращается в зверство, творчество — в жестокую хитрость, а преданность и самопожертвование становятся оплотом тирании, жестокой эксплуатации и надругательства... Легко срывается покров дисциплины и общественной культуры — всего одно—два поколения плохой жизни. Мвен Мас заглянул в этот лик зверя здесь, на острове Забвения» [ТА, с. 244]. «Дисциплина» и «общественная культура», таким образом, оказываются достаточно хрупкими вещами – всего лишь десятилетие плохой жизни как изгнанника изменило Бета Лона, воспитанного на положениях коммунистической морали. В.В. Комиссаров считает рассматриваемый эпизод свидетельствует о том, что Ефремов подсознательно наделяет своих персонажей поведенческими стереотипами, характерными для патриархальных отношений [Комиссаров, 2017, с. 76]. Однако, с другой стороны, остров Забвения – это условное пространство прошлого в коммунистическом мире будущего, поскольку на нем живут не только

преступники, но и те, кто желает жить как в прежние времена. Следовательно, рассматриваемый эпизод, иллюстрирующий патриархальные отношения, вполне закономерен в условиях острова Забвения.

Так же как Онар – «тревожно оглядываясь» – по улицам вынуждены ходить тормансианки. Патриархальные отношения и угнетенное положение женщин для Торманса являются нормой: «Везде слезы, трепет, страх и снова слезы – таков удел женщины Торманса, кроткой и терпеливой труженицы, борющейся в домашней жизни с комплексом униженности. Мужчина был владыкой и тираном» [ЧБ, с. 298]. Женщина на Тормансе принадлежит мужчине, то есть является вещью. Неслучайно молодой тормансианин Шотшек при знакомстве с Чеди Даан, притворяющейся жительницей «хвостового полушария» планеты, спрашивает: «А ты чья-нибудь? <...> Ну, принадлежишь ты мужчине или нет?» [ЧБ, с. 290]. Затем, когда Чеди отказывается пойти с Шотшеком и выпить вина, он применяет силу – бьет ее по лицу: «... впервые земную девушку ЭВР ударили со специальным намерением унижить, нанести оскорбление. Скорее удивленная, чем возмущенная, Чеди оглянулась на многочисленных людей, спешивших мимо. Безразлично или опасливо смотрели они, как сильный мужчина бьет девушку. Никто не вмешался, даже когда Чеди получила удар покрепче» [ЧБ, с. 292]. Насилие со стороны мужчины по отношению к женщине для Торманса также является нормой – именно поэтому за Чеди никто не вступается. В этой ситуации Чеди удастся за себя постоять, но в последующем Шотшек нападает на нее в компании с другими молодыми тормансианами с целью отомстить – и Чеди едва остается жива. Безусловно, жестокость и насилие со стороны мужчин автором осуждается – для него это свидетельство морального упадка общества.

Равенство мужчин и женщин по мысли автора является необходимым условием справедливого общества – коммунистического. Любые формы угнетения, деспотизма, жестокости в отношениях между полами писателем

осуждаются и иллюстрируют либо тяжелое историческое прошлое, либо результат плохой жизни, либо неустроенное и несправедливое общество.

2.2. Концепция И.А. Ефремова и советская версия феминизма: сходства и отличия

Связь концепции И.А. Ефремова с советской версией феминизма периода 1917–1920-х годов бесспорна. Все-таки писатель был носителем мировоззрения советского человека и никогда, по крайней мере открыто, не выступал с критикой советской системы в целом. Известно, что его роман «Час Быка» был воспринят как критика советской действительности 1960-х годов, однако Ефремов опровергал такую трактовку своего произведения. В целом писатель был сторонником марксистско-ленинской идеологии. В предисловии от автора к «Часу Быка» Ефремов даже ссылается на В.И. Ленина, намереваясь следовать его утверждениям в своем романе [ЧБ, с. 9].

Более того, по наблюдениям С.А. Сергеева, Ефремов принадлежал к поколению 1920-х годов, и взгляды писателя, как и взгляды его ровесников, «формировались под влиянием амбивалентной ситуации раннего советского периода» [Сергеев, 2017]. Безусловно, при разговоре о концепции будущего у Ефремова можно говорить непосредственно о генетической связи его идей с идеями о будущем послереволюционного периода. Однако если рассматривать его феминистскую концепцию, то однозначно говорить о генетической связи сложно – так, в биографических материалах нет информации о том, был ли Ефремов знаком с работами теоретиков советского феминизма, прежде всего, Н. Крупской и А. Коллонтай. Следовательно, мы можем говорить только о типологической связи и установить основные сходства и отличия концепции писателя с советской версией феминизма.

В первую очередь следует сказать о следующем сходстве: равенство мужчин и женщин (юридическое, гражданское, экономическое) рассматривалось Ефремовым и в советском феминизме как необходимое

условие построения справедливого общества – социалистического и коммунистического. При этом неравное и угнетенное положение женщин воспринималось одним из признаков и направлений для критики капиталистического общества (такое общество Ефремов изображает на примере планеты Торманс в «Часе Быка»).

Включение женщин в труд наравне с мужчинами – это еще одно сходство концепции Ефремова и советского феминизма. Однако перед советским государством стояла задача быстрой трудовой мобилизации населения – и мужчин, и женщин. Женщины воспринимались как ресурс для построения нового советского общества (см. параграф 1.2, с. 21). У Ефремова не было такой утилитаристской подоплеки – для него значение имело непосредственное равенство полов, а то есть свобода и независимость женщин.

В концепции семьи и брака также обнаруживается сходство. Идея равенства мужчины и женщины в семье – то есть выдвижение семьи эгалитарного типа, где женщина является полноправным ее членом – общая для Ефремова и советского феминизма. И если Ефремов иллюстрировал свободный брак без юридического закрепления, то в рамках советского феминизма регламентация оставалась – вместо церковного был введен гражданский брак (см. параграф 1.2, с. 23). Однако упрощенная процедура развода и рассмотрение зарегистрированного и незарегистрированного брака как равного свидетельствуют о том, что брак все-таки воспринимался как личное дело каждого – люди спокойно могли сходиться и расходиться.

Идея материнства как социальной функции выдвигалась как советским феминизмом, так и Ефремовым. Женщины в первую очередь рожают не для себя, а для общества – «производят» нового члена общества (см. параграф 1.1, с. 14). И если в рамках советского феминизма материнство поощрялось, но не считалось обязательной задачей женщины, то у Ефремова в связи с идеей демографического контроля населения материнство становится долгом женщины (каждая женщина должна родить двоих детей). Средства контроля

рождаемости – аборт и контрацептивные средства – писателем одобряются. Одобрялись они и в рамках советского феминизма. Однако если у Ефремова это было связано с той же самой идеей контроля рождаемости, то в советской реальности легализация абортов была обусловлена тяжелым материальным положением населения после революции 1917 года (см. параграф 1.1, с. 23).

Общественное воспитание детей также является общей идеей для Ефремова и советского феминизма. В рамках советского феминизма не было цели забирать ребенка у родителей – важно было лишь организовать необходимые для общественного воспитания заведения (ясли, детские сады, школы и т.д.) (см. параграф 1.2, с. 22). Идея Ефремова заключалась в полном исключении ребенка из семейной ячейки и общественном воспитании едва ли не с рождения в школах специальными и обученными людьми. Цели общественного воспитания сходятся – воспитание достойного члена социалистического и коммунистического общества.

Освобождение в первую очередь женщин от бытовых обязанностей – это еще одно сходство концепции Ефремова и советского феминизма. В условиях советской действительности это было возможно путем введения коллективного хозяйства – организации общественных столовых, прачечных и т.д. (см. параграф 1.2, с. 24). В условиях же мира будущего у Ефремова быт полностью оптимизирован и автоматизирован – даже специальные люди не обременены выполнением бытовой работы.

Если говорить о трактовании любви, то можно сравнить концепцию Ефремова с концепцией А. Коллонтай (см. параграф 1.1, с. 17–18). Коллонтай выделяла «большую любовь» («гармоничное созвучие душ и тел»), на которой основан брачный союз, и «любовь-игру». «Большая любовь», пожалуй, сходится с трактовкой Ефремовым любви как таковой, предполагающей единый путь мужчины и женщины. В то время как «любовь-игра», из которой может вырасти, а может и не вырасти «большая любовь», сходна с «получением разрядки» у Ефремова. Говоря о такой форме страсти, писатель исходит из биологических особенностей человека – то есть подходит к

проблеме с научной точки зрения: рассматривает сексуальность как необходимое условие физиологически и психологически полноценной жизни человека. Коллонтай, по всей видимости, также подразумевала физиологическую необходимость человека в сексуальной жизни, поскольку рассматривала «любовь-игру» как «меньшее зло, чем эротический голод или обращение к услугам проституток» [Алферова, 2011, с. 111].

В трактовании любви также важно отметить, что Ефремов и Коллонтай выступали за свободную любовь, то есть внебрачные отношения. Л. Геллер, анализируя творчество Ефремова, проводил параллель между концепцией писателя и идеями А. Коллонтай: «такой последовательной и страстной проповеди свободной любви не было, пожалуй, со времен Александры Коллонтай», – пишет исследователь [Геллер, 1985, с. 341]. Однако если Ефремов иллюстрирует в романах последовательную моногамию, то Коллонтай одобряла полиаморные отношения – то есть с несколькими людьми одновременно (см. параграф 1.1, с. 18).

Подход к сексуальности у Ефремова также коррелирует с атмосферой сексуальной революции 1920-х годов. На момент создания романов его взгляды резко контрастировали с господствующими стереотипами и одобряемыми нормами [Ковалев, 2021, с. 85]. Так, писатель поднимает вопросы необходимости полового воспитания и управления своей сексуальной энергией. Безусловно, с такой серьезностью к данной проблеме в 1920-е годы не подходили, но тема сексуальных отношений так или иначе обсуждалась [Савчук, 2017, с. 24]. Кроме того, идея эротической открытости у Ефремова отсылает к популярному в те годы движению «Долой стыд!», когда люди появлялись на улице голыми, заявляя, что стыд – это пережиток буржуазного прошлого [Уфимцева, 2018, с. 135]. Однако у Ефремова отношение к наготе иного характера: его герои не разгуливают постоянно голыми – нагота является выражением красоты, необходимой в искусстве, например, в искусстве танца. Следовательно, взгляд Ефремова на проблему сексуальности характеризуется философским подходом.

В идеологическом образе «новой женщины» и образе женщины будущего у Ефремова также обнаруживаются сходства. Безусловно, физическое совершенство людей будущего, полученное путем селекции, в «новой женщине» не предполагалось, но подразумевалось в проекте по созданию «нового человека» [Бугаева, 2022, с. 28]. Объединяющими качествами для этих образов становится самостоятельность и независимость от мужчины, активность и деятельность, здоровье и физическое развитие («спортивность»). Отметим, что занятия физической культурой и здоровье тела активно пропагандировались в 1920-е годы. Так, например, с 1919 года проводились в Москве, Ленинграде и в других городах проводились физкультурные шествия – парады физкультурников, на которых зрителям представляли различные гимнастические упражнения и сложные спортивные трюки [Шевелева, 2015, с. 38]. Кроме того, в ряду сходств стоит назвать условное освобождение от материнства – роль матери уходит на дальний план как у «новой женщины», сосредоточенной на общественной работе (см. параграф 1.3, с. 31), так и у женщины будущего, так как дети почти с рождения воспитываются в школах. Как и «новая женщина», женщина будущего у Ефремова наравне с мужчиной включена в труд. Открытость, смелость, спокойствие и готовность помочь другим людям – также совпадающие качества. Однако акцент на женственности и красоте в образах женщин будущего у Ефремова отсылает скорее к 1930-м годам, когда был взят «курс на своеобразную апологию женственности» и вырос спрос на модные журналы и красивую одежду [Неминуций, 2016, с. 119–120]. Однако для Ефремова красота и женственность были более сложными понятиями в связи с философской трактовкой.

Период 1917–1920-х годов характеризуется С.А. Сергеевым наличием «амбивалентной ситуации» – в плане сосуществования противоположностей. Так, идеология и политика освобождения женщин сосуществовали с традиционным гендерным укладом (патриархальным), сохранившемся во многих социальных слоях, особенно в деревне [Здравомыслова, Темкина,

2007, с. 116]. Интересно, что аналогично у Ефремова в «Туманности Андромеды» есть пример проявления патриархальности – деспотизма мужчины по отношению к женщине (эпизод с Бетом Лоном и Онар на острове Забвения), хотя, казалось бы, в далеком будущем такие отношения предполагаются полностью искорененными.

Итак, нами были определены основные идейные сходства в концепции Ефремова и советском феминизме. Безусловно, изображая далекого мир будущего, Ефремов не только продляет в будущее и художественными средствами иллюстрирует некоторые идеи, сходные с идеями советского феминизма, но и что-то дополняет, расширяет (иллюстрирует глобальный подход к проблеме), трактует по-другому и где-то выходит на философский уровень. При этом в советском феминизме 1917–1920-х годов определенно отсутствовала идея тесной связи именно женщин с искусством, которая является частью авторской феминистической концепции и концепции красоты.

Важно также отметить, что у Ефремова наблюдается имплицитно выраженная критика идеологии и политики 1930-х годов. Так, в упоминании запрета на контрацептивные средства и аборты и введения привилегий для матерей владыками Торманса в связи с демографическим кризисом на планете («Час Быка») прослеживается аллюзия на советскую действительность 1930-х годов, когда в такой же ситуации советская власть использовала такие же методы (см. параграф 1.2, с. 28). По-другому Ефремов трактует сталинский миф о «большой семье» – форма семьи классифицируется как эгалитарная, в отличие от патриархальной семьи в сталинском мифе. Данное наблюдение позволяет подтвердить вывод С.А. Сергеева о том, что идейная атмосфера 1917–1920-х годов оказала наибольшее влияние на мировоззрение писателя. Об этом же можно говорить и в плане трактовки «женского вопроса».

Таким образом, концепция Ефремова типологически сходна с советским феминизмом 1917–1920-х годов. Общими являются идеи равноправия полов, эгалитарного типа семьи, свободного брака, социальной значимости материнства, общественного воспитания детей, освобождения от быта,

внимания к сексуальным отношениям полов. Трактовка любви у Ефремова сходна с трактовкой любви в концепции А.Коллонтай. Образ женщины будущего во многих чертах сходен с образом «новой женщины». Среди наиболее значимых отличий важно назвать наличие у Ефремова идеи ограничения репродуктивных прав женщин (обязательное материнство) и демографического контроля, обязательного полового воспитания и управления своей сексуальной энергией, женской красоты и эротической открытости, тесной связи женщин с искусством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феминистская концепция советского писателя-фантаста И.А. Ефремова еще не оказывалась в фокусе отдельного внимания исследователей. В работе была предпринята попытка не только выявить феминистские идеи Ефремова, но и сравнить их с идеями советского феминизма периода 1917–1920-х годов. Именно в этот период формировалось мировоззрение писателя.

В ходе исследования были рассмотрены основные аспекты «женского вопроса» (женский труд, новый тип семьи, материнство и воспитание детей, быт и домашние обязанности, концепция «новой женщины»), которые теоретически осмысливались советскими деятелями – В.И. Лениным, Н.К. Крупской, А.М. Коллонтай. Далее была проанализирована послереволюционная партийно-государственная политика решения «женского вопроса», в ходе которой советское государство обеспечило политическое и гражданское равноправие, провело реформы в сфере труда, материнства, брака, семьи, быта. Отмечено, что в 1930-е годы политика государства поменяла направление в плане «женского вопроса»: все нововведения и запреты были направлены на укрепление семьи, произошел возврат к патриархальным нормам. Затем был изучен идеологический образ «новой женщины» в советской массовой культуре 1917–1920-х годов (в агитационных плакатах, женских журналах, кинематографе и художественных произведениях), отмечены основные черты «новой женщины», а также определены модели поведения, следовать которым предлагалось советским женщинам. Таким образом, были выявлены основные идеи советского феминизма 1917–1920-х годов для анализа феминистской концепции Ефремова.

Феминистские идеи Ефремова были рассмотрены в романах писателя о далеком будущем – «Туманность Андромеды» и «Час Быка». В ходе анализа установлено, что феминистская концепция писателя реализуется в авторской речи, диалогах и дискуссиях героев (включая лекционные вставки),

конфликтных ситуациях, образах героев и в моделях их поведения. Основными составляющими феминистской концепции Ефремова являются следующие идеи:

- 1) включение женщин в труд наравне с мужчинами;
- 2) свободный брак, последовательная моногамия в отношениях между мужчиной и женщиной, эгалитарный тип семьи, свобода от быта;
- 3) обязательное материнство, ограничение рождаемости и общественное воспитание детей;
- 4) выделение любви и физической страсти, половое воспитание и управление сексуальной энергией, одобрение сексуальной связи с целью рождения ребенка – более генетически совершенного, осуждение неуправляемого сексуального влечения, эротическая открытость и телесность (прежде всего для женщин);
- 5) тесная связь женщин с искусством (не только являются деятелями искусства, но и служат натурой);
- 6) образ женщины будущего: красивая, физически совершенная и развитая, независимая, деятельная, свободная, самостоятельная, женственная, обладает эстетическим чувством, открытая, смелая, спокойная и расположенная к другим людям;
- 7) осуждение любых форм угнетения, деспотизма, жестокости в отношениях между полами.

В ходе исследования была установлена типологическая связь концепции Ефремова с советским феминизмом 1917–1920-х годов. Сходными являются идеи равенства полов, эгалитарного типа семьи, свободного брака, социальной значимости материнства, общественного воспитания детей, освобождения от быта, внимания к сексуальным отношениям полов. Кроме того, трактование любви у Ефремова сходно с трактованием любви в концепции А.М. Коллонтай, а образ женщины будущего во многих чертах совпадает с образом «новой женщины» в советской массовой культуре рассматриваемого периода. Идеи ограничения репродуктивных прав женщин (обязательное материнство) и

демографического контроля, обязательного полового воспитания и управления своей сексуальной энергией, женской красоты и эротической открытости, а также тесной связи женщин с искусством в феминистской концепции Ефремова составляют ее отличие от советского феминизма. Наличие этих идей обусловлено изображением мира далекого будущего и, в связи с этим, глобальным подходом к проблеме (обязательное материнство, демографический контроль), расширенной трактовкой темы сексуальности (половое воспитание, управление сексуальной энергией) и философским подходом к проблеме красоты и искусства (эротическая открытость, связь женщин с искусством).

Таким образом, феминистские идеи Ефремова типологически совпадают с советским феминизмом 1917–1920-х годов – они направлены на предоставление женщинам равноправия и свободы во всех сферах жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: Изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Комитета Совета Р., 1919. 61 с.
2. Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) [Электронный ресурс] // Lib.ru. 1921. URL: <https://goo.su/BIiFX> (дата обращения: 14.02.2022)
3. Коллонтай А. Любовь и новая мораль [Электронный ресурс] // Викитека. URL: <https://goo.su/TUQtJg> (дата обращения: 14.02.2022)
4. Коллонтай А. Любовь трех поколений [Электронный ресурс] // Lib.ru. 1923. URL: http://az.lib.ru/k/kollontaj_a_m/text_0060.shtml (дата обращения: 03.02.2023)
5. Коллонтай А. Положение женщины в эволюции хозяйства. М.: Гос. изд-во, 1922. 208 с.
6. Крупская Н. К. Женщина-работница [Электронный ресурс] // Библиотека фантастики. 1926. URL: <https://goo.su/B4GvyG1> (дата обращения: 03.02.2023)
7. Крупская Н. К. Женщина страны Советов - равноправный гражданин. М.: Партиздат, 1938. 165 с.
8. Ленин В.И. Международный день работниц [Электронный ресурс] // Викитека. 1921. URL: <https://goo.su/grYF> (дата обращения: 06.02.2023)
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. 670 с.
10. Ефремов И.А. Юрта Ворона [Электронный ресурс] // ЛитЛайф. URL: <https://litlife.club/books/58040/read> (дата обращения: 08.12.2022)
11. Ефремов И.А. На пути к роману «Туманность Андромеды» // Вопросы литературы. 1961. № 4. С.142–153.

12. Ефремов И.А. Туманность Андромеды // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Туманность Андромеды; Звездные корабли; Сердце Змеи; Пять картин. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 6–322.
13. Ефремов И.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Лезвие бритвы. Роман приключений. М.: Мол. гвардия, 1988. 670 с.
14. Ефремов И.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Кн. 2. Час Быка. М.: Мол. гвардия, 1989. 462 с.
15. Ефремов И.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Кн. 3. Таис Афинская. М.: Мол. гвардия, 1989. 494 с.
16. Савченко Г. Как создавался «Час Быка» (Беседа с Иваном Ефремовым) // Молодая гвардия. 1969. № 5. С. 307–320.
17. Цеткин К. Ленин о женском вопросе [Электронный ресурс] // Леворадикал. 1925. URL: <https://levoradikal.ru/archives/12889> (дата обращения: 09.07.2022)

II. Научная литература

1. Агапитова Е.К. Фантастический мир И.А. Ефремова: проблематика и поэтика: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Вологда, 2017. 24 с.
2. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия [Электронный ресурс]. 1998. URL: <http://www.owl.ru/win/books/rw/> (дата обращения: 21.11.2022)
3. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск: Курсив, 2011. 352 с.
4. Батуренко С.А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 111–129.
5. Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 7–23.

6. Беспечанский Ю.В. Преломление традиций русской философии в художественном творчестве Ивана Ефремова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. Т. 4. №1. С. 93–96.
7. Бобровская Е.В. «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в Советской России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 133–140.
8. Борода Е.В. Научно-фантастическая литература и духовные ценности (на примере творчества И.А. Ефремова) // Успехи современной науки. 2017. Т. 3. № 4. С. 44–46.
9. Бритиков А.Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). Книга первая. Фантастика – особый род искусства. М.: Творческий центр «Борей-Арт», 2005. 422 с.
10. Бритиков А.Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). Книга вторая. Некоторые проблемы истории и теории жанра [Электронный ресурс] // Библиотека. 2005. URL: <https://goo.su/rRhLkOR> (дата обращения: 17.10.2022)
11. Бугаева Л.Д. От составителя // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 27–30.
12. Виниченко И. В. Исторические практики трансформации женского образа в советском обществе // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3-1. С. 162–177.
13. Воронина О. Женщина и социализм. Опыт феминистского анализа. // Феминизм. Восток. Запад. Россия. М., 1993. С. 205–225.
14. Галина М.С. Утопии и антиутопии Ивана Ефремова (отрывок из статьи «Лезвие бритвы в Туманности Андромеды») [Электронный ресурс] // ECLECTIUM. 1997. URL: <https://goo.su/lcf68Z> (дата обращения: 21.11.2022)
15. Геллер Л. Вселенная за пределом догмы: Размышления о советской научной фантастике. Лондон: Overseas publications interchange, 1985. 443 с.

16. Гладков Ф. Цемент // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Цемент; Рассказы. С. 7–280.
17. Глазырина А.Д., Емельянов Б.В. Русский антропокосмизм: версия И. Ефремова // Известия Уральского Федерального Университета. 2017. Т. 12. №1 (161). С. 169–175.
18. Дашкова Т. «Работницу» - в массы: политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. №50. С.184–92.
19. Дзюба Е.В., Ткаченко Ю.Г. Советское "лицо феминизма": манипулятивный потенциал концептуальной метафоры в поликодовом тексте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т.14. № 4. С. 5-11.
20. Ельникова Г.А. Становление и развитие феминизма в России: к истории вопроса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 12. С. 1–15.
21. Емельянов И.С. Проблемы воспитания в романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № № 11(77). С. 19–22.
22. Еремина О.А. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013. 688 с.
23. Завершинская Н.А. Тематизация памяти о «Женщине на войне» в современных деконструкциях событий Второй мировой войны // Южнороссийский журнал социальных наук. 2016. Т. 17. № 2. С. 82–98.
24. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. С.147–173.
25. Истягина-Елисеева Е.А. Спортивный плакат как инструмент пропаганды физической культуры и спорта в довоенном СССР // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4 (81). С. 45–47.

26. Ковалев В.А. Между Эросом и Танатосом: утопия и антиутопия Ивана Ефремова // История и современность. 2021. № 1 (39). С. 82–110.
27. Ковалева С.А. Образ книги и ее функции в романе «Кысь» Татьяны Толстой // Universum: филология и искусствоведение. 2022. № 1 (91). С. 22-24.
28. Коломийцева Е.Ю. Первые советские женские журналы 1920-х годов: история развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 6 (56). С. 199–205.
29. Комиссаров В. В. «Этого ожидали...»: Роман И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» и футуристические проекты советской интеллигенции. Иваново: ПресСто, 2017. 116 с.
30. Кременцов Н. Что нового было в «новом человеке» первой трети XX века: Научное знание как культурный ресурс // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 31–49.
31. Купарашвили М.Д., Новоселов А.В. Социальные эффекты советского феминизма (А. Коллонтай) // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23. № 3. С. 142-147.
32. Кутырова О.В. Из истории советского феминизма // Отечественная история. 2005. № 5. С. 218–219.
33. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб.: Нева-Летний Сад, 1999. 349 с.
34. Минаева О.Д. Вклад Н. К. Крупской в пропагандистское обеспечение борьбы за равноправие советских женщин // История отечественных СМИ. 2011. № 1. С. 36–46.
35. Морозова Е.А. Женщина, общество, политика в советской культуре: по материалам женских журналов 1930-х годов // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 180. С. 420–426.
36. Морозова Е.А. Семантика женской сексуальной привлекательности в советской культуре 30-х годов // Известия Российского

государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 341–345.

37. Неминуций А.Н. Категория женственности в советском кино 1930-х гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 117–126.

38. Новиков С.Г. Разработка модели «Нового человека» советской властной элитой 1920-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 5 (69). С. 154–158.

39. Осьмухина О.Ю., Майорова Д.А. Специфика конструирования фантастического мира в романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 1 (34). С. 29–40.

40. Плунгян Н. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 310 с.

41. Савчук А.А. Была ли сексуальная революция в России в 1920-е гг.? К постановке проблемы // История повседневности. 2017. № 7. С. 22–39.

42. Сергеев С.А. Мечтая об антиимперии: Иван Ефремов в поисках «третьего пути» [Электронный ресурс] // Иван Антонович Ефремов. 2017. URL: <https://goo.su/zgc7B> (дата обращения: 06.05.2022)

43. Смагина С.А. «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 257–266.

44. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 616 с.

45. Старуш М.И. К истории «Женского вопроса» в СССР в первые постреволюционные годы [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2011. URL: <https://goo.su/tUb3er> (дата обращения: 03.01.2023)

46. Темкина А.А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение (Русский феминистический журнал). 1995. № 3. С. 5–17.

47. Уфимцева Е.И. Практики атеистической социализации в контексте формирования советского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 133–139.
48. Фокин А.А. В ожидании «светлого будущего»: советская литература периода «оттепели» // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика: монография / сост. и науч. ред. Т. А. Круглова. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. С. 323–334.
49. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 240 с.
50. Хасбулатова О.А. Женщины и образование в России: исторический обзор (1860-2000 гг.) // Женщина в российском обществе. 2003. № 1-2. С. 30–35.
51. Хатнюк А.В. Эстетика Античной Эллады как одна из основ концепции красоты Ивана Ефремова // Вестник Луганского педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. 2021. Т.63. № 3. С. 57-61.
52. Хатямова М.А. Искусство как должное в романе Е. Замятина «Мы» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2006. № 8. С. 7–26.
53. Хлопонина О.О. Трансформация женской образности в советском кинематографе 1920-1930-х гг. // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 140–151.
54. Хлопонина О.О. "Женский мир" в советском плакате 1910-1930-х годов: эволюция мифологических конструктов // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 287–295.
55. Цветков Е.В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности: социально-философские аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2009. 24 с.

56. Цветкова Е.А. Концепция «новой женщины» в работах А.М. Коллонтай // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 1 (65). С. 112–115.
57. Черняховская Ю.С. Футурология и философская фантастика как формы исследования будущего общества и его политического мира // Власть. М., 2016. Т. 24. №4. С. 164–168.
58. Черняховская Ю.С. Идеальный конструкт И. А. Ефремова в контексте отечественного глобального проектирования середины XX в. // Вестник Московского Университета. 2018. №1 С. 69–81.
59. Чхетиани Н.С. Репрезентация женственности в контексте художественной культуры XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 3 (157). С. 21–26.
60. Шабатура Е.А. Гендерный анализ образа "новой женщины" в советской культуре 1920-х годов // Омский научный вестник. 2006. № 6 (41). С. 192–196.
61. Шабатура Е.А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг.: автореф. дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02. Омск, 2006. 25 с.
62. Шахназарян Н.Р. Государственный феминизм, или золушка советской модернизации: политики государства в отношении женщин в СССР // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2011. № 4-6 (50-52). С. 94–103.
63. Шевелева Л.А. Особенности спортивного профессионализма в Советском союзе // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 36–45.
64. Щербитко А.В. Тема и образ книги в романе Р. Брэдли «451° по Фаренгейту» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 55–60.
65. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
66. Buckley M. Women and ideology in the Soviet Union. New York: Harvester Wheatsheaf, 1989. 266 p.

67. Chumarov N. Ivan Efremov's Andromeda Nebula: The Turning Point of Soviet Science-Fiction Literature // *Bohemica litteraria*. № 18. 2015. P. 29–43.

68. Engel B.A. *Women in Imperial, Soviet, and Post-Soviet Russia (Women's and Gender History in Global Perspective)*. Washington, DC: American Historical Association, 1999. 45 p.